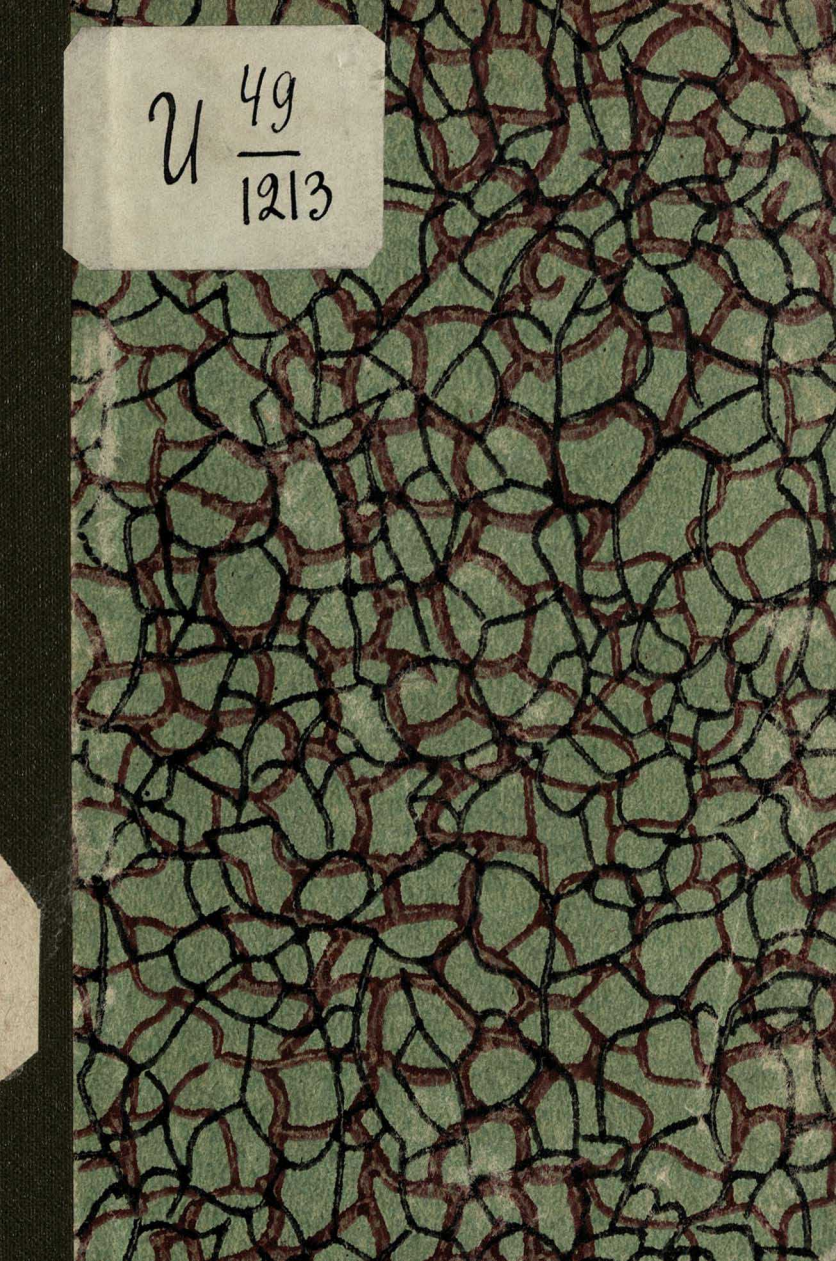
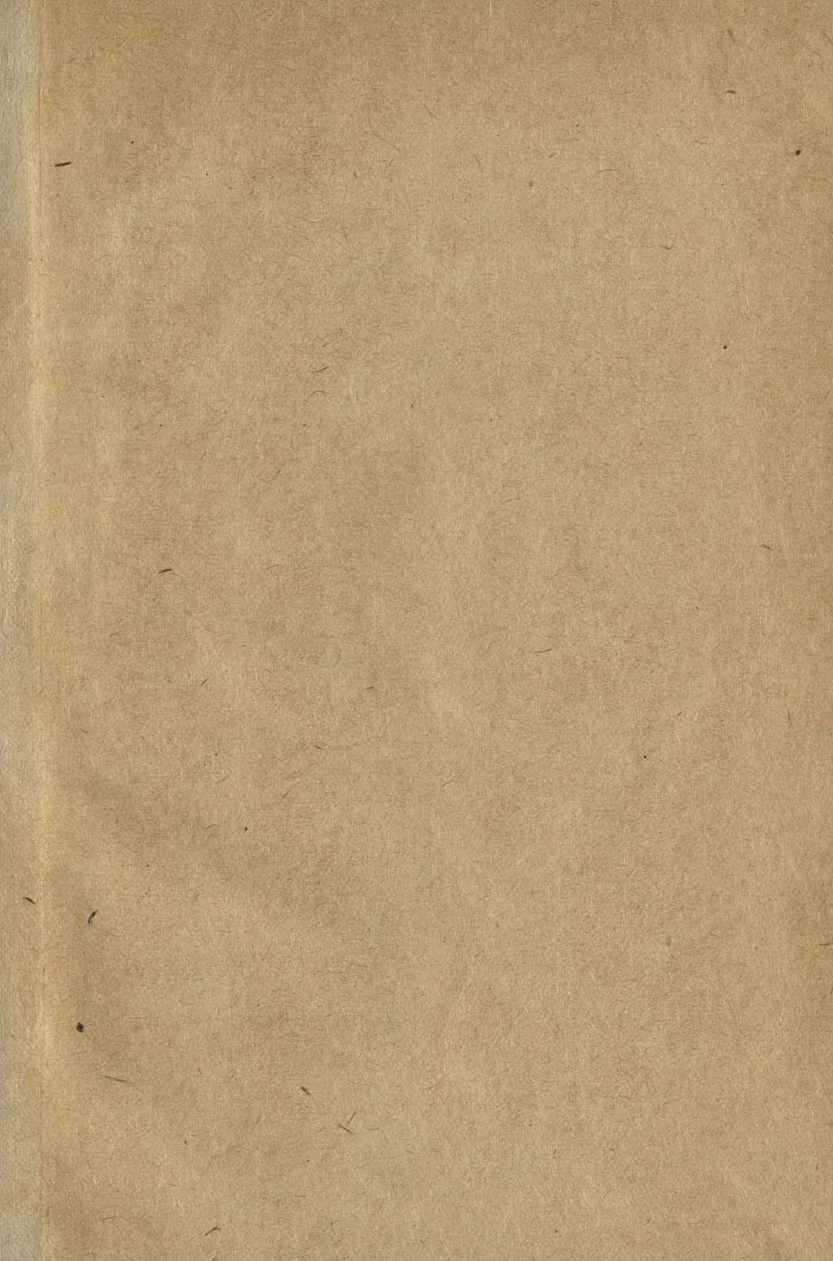
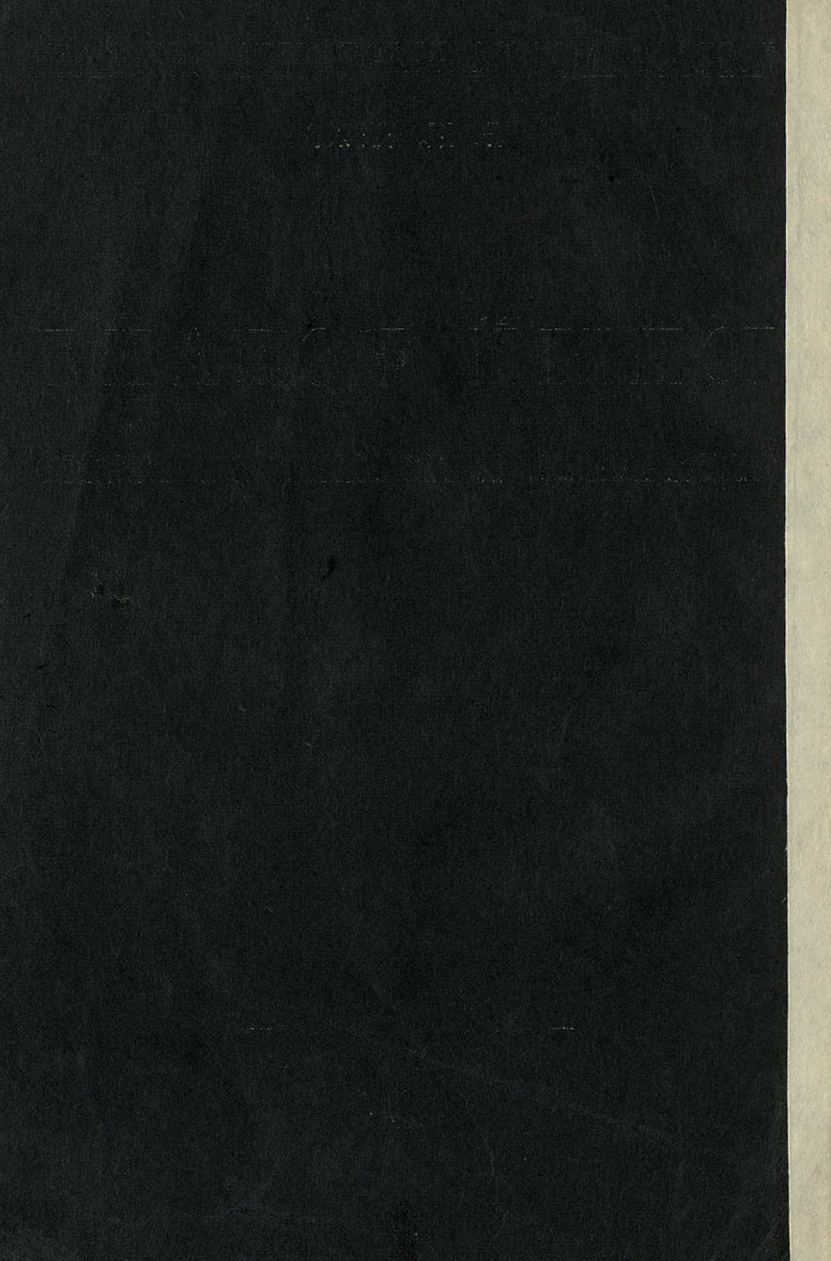

U $\frac{49}{1213}$

21 49
1213

7 6/10

ГОСУД. АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК

И 49 Б. И. ЯРХО
1213

ЮНЫЙ РОЛАНД

(HRUODLANDUS, COMES LIMITIS BRITTANNICI)

«А С А Д Е М І А»
ЛЕНИНГРАД
1926

Ленинградский Гублит № 16673.
8½ л. — Тираж 1.000 экз.

К Н И Г А И М Е Е Т:

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№	списка и порядковый	1955 г.
-------------------	--------	---------------------------------------	--------	------	----------	----------------	----	------------------------	---------

9

845
2087

627/16—250 тыс.

10/2

64

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Постановка гипотезы.

1. Задача	7
2. Ход решения	10

II. Правдоподобность гипотезы.

1. Историко-литературная правдоподобность . . .	25
Сказание о Берте и Милоне	26
„Enfances Roland“	41
2. Историческая правдоподобность	61
Мотивы (Р). Родители Роланда	62
„ „ Главные события в жизни Роланда .	77
„ „ Роланд при дворе Карла	83

III. Приложимость гипотезы.

1. Приложимость к возникновению сказания . . .	91
2. Приложимость к развитию сказания	95
Развитие Р	105
Развитие Рс	108

Приложение:

„Hruodlandus, comes limitis Brittannici“ Uebersicht .	123
---	-----

ПОСТАНОВКА ГИПОТЕЗЫ

1. Задача

Многочисленные исследования корней французского сказания о Роланде установили, что при наличном материале научная мысль в этой области не может идти дальше более или менее достоверных предположений, и тому, кто при занятии этими вопросами хотел бы обойтись без гипотез, может быть, лучше вовсе не браться за дело. Ко всякой новой попытке решения означенных вопросов мы можем, следовательно, прилагать только следующие требования: чтобы предлагаемая гипотеза была 1) вполне правдоподобна и 2) приложима к объяснению связанных с нею фактов эпоса.

Создать гипотезу, отвечающую указанным требованиям, и является целью настоящей работы, которая не пытается обнять учение о происхождении сказания о Роланде в его целом и ставит себе для разрешения только два, тесно связанных друг с другом вопроса:

А. — Как объяснить, что маркграф Хруодланд стал центральным героем мощного цикла, столь

пышно развившегося во Франции и получившего такое широкое распространение во всей Европе?

Б. — Как объяснить, что сражение 778 г. получило такое первенствующее значение во французском эпосе и послужило источником притяжения для целого ряда сказаний?

Короче говоря, это — вопросы о централизации Роланда и Ронсевальской битвы, которые уже не раз ставились предыдущими исследователями.

В частности, Г. Парис (*Revue Critique*, 1869, p. 173 — 6. — *Romania* XI, 1882, p. 407) и Бедье (*Leg. Epiques* III, 1912, p. 374) выставили наиболее разработанные гипотезы.

По теории Г. Париса первые песни о Роланде возникли в Верхней Бретани среди дружины Роланда. Возражения, сделанные Бедье (I. с. p. 277 п. 2), против этой теории сводятся к тому, что популярность Роланда в Бретани довольно сомнительна, так как он лишь незадолго перед 778 г. занял там административный пост и ничем не успел себя проявить.

С этим нельзя не согласиться; в самом деле, о деятельности Роланда, как префекта, в Бретани не сохранилось никаких исторических и эпических данных: он не построил ни одной церкви, не выиграл и не проиграл ни одного сражения, не произвел ни одной внутренней реформы. Остальные данные, приводимые Парисом, указывают только на распространность сказания в Верхней Бретани в XI — XII веке (см. Бедье I. с. p. 277 — 8) и на то, что воспоминание об отношении Роланда к Бретани

долго держалось в памяти французских певцов, но не на бретонское происхождение легенды.

Теория Бедье в части, касающейся причин централизации Роланда, может быть выражена следующими цитатами из указ. соч. стр. 374: „Il se peut que le corps de Roland ait été réellement rapporté du champ de bataille et confié au sanctuaire très vénéré de Blaye..... Comme là-bas, á l'autre entrée des Pyrénées, la tombe de Guillaume était authentique, á Blaye la tombe de Roland l'était peut-etre aussi: s'il en fut ainsi, rien de plus facile que d'expliquer les premières formations légendaires sur Roland“. ¹

Хотя подлинность могилы Роланда в Блэ никак не может быть доказана, все же, она исторически вполне правдоподобна и отлично объясняла бы приращение песен именно к Роланду, а не к кому либо другому из павших при Ронсевале. Но посмотрим, подтверждают ли тексты такое предположение, указывают ли песни и сказания о Роланде на происхождение основного сказания из Блэ. Ведь, по предположению Бедье, это должна была быть церковная легенда, возникшая и развившаяся в Блэ с целью возвеличить местную святыню и привлечь к ней паломников. Такая рекламная литература не составляет тайны ни для кого из медиэвистов, и сам Бедье блестяще доказал ее влияние на псевдо-турпиновский вариант. Но похожи ли сказания о Роланде

¹ Бедье не особенно настаивает на этом предположении, так как подлинность гробницы Роланда создала бы возможность непосредственного развития легенды в Блэ начиная с VIII-го века, в то время как по общей теории Бедье, она возникла не ранее XI-го века на основе рассказа Ейнхарда (l. c. p. 375 — 8).

на такую литературу? Занимают ли в них Блэ и его церковь такое место, чтобы можно было искать там их родину? Разве св. Роман играет в них такую роль, как, примерно, св. Яков Компостельский в Хронике Турпина? Нет, он не играет в них никакой роли, и, поэтому, полагать церковное сказание из Блэ в основу всего огромного цикла, было бы делом совершенно произвольным и не опирающимся на материал. Как реклама для Блэ, сказание о Роланде не достигло бы своей цели.

Обе разобранные теории оказались неудовлетворительными, потому что одна из них исторически мало вероятна, а другая не обоснована с историко-литературной точки зрения. Наученные этим примером, мы, выдвигая новую гипотезу, будем стараться придать ей двоякую правдоподобность: историческую и историко-литературную.

Что касается приложимости гипотезы, то она должна заключаться не только в непосредственном ответе на предложенные два вопроса, т. е. в указании возможных путей централизации, но и в выяснении условий, в коих могло произойти развитие централизовавшихся основных мотивов в том направлении, которое засвидетельствовано сохранившимися памятниками.

2. Ход решения

Ход решения поставленной задачи вытекает из взаимоотношения двух входящих в нее вопросов. Решение первого через второй, т. е. попытка объ-

яснить возвеличение Роланда из его участия в сражении 778 г., повидимому, обречено на неудачу. Во-первых, политическое значение Ронсевальской битвы, насколько можно судить по историческим памятникам, равняется нулю; если даже битва и имела какие либо последствия, то все они несомненно были сведены на нет рядом последующих войн с басками и сарацинами. Во-вторых, как уже неоднократно было замечено, реальная обстановка сражения, переданная Ейнхардом (*Vita Caroli* с. IX. *MGH. SS. II* 448), делает почти невозможным предположение, чтобы такое побоище могло родить героев. Баски нападают врасплох, сверху (*desuper incursantes*) и немедленно сбрасывают франков в долину (*in subiectam vallem deiciunt*), производят среди них страшную резню и, гоня перед собой отбитый обоз (*direptis impedimentis*), скрываются в горы. Все совершается во мгновение ока (*summa cum celeritate*). Если бы кто тут и отличился, никто бы этого не видал, ибо дело происходило под покровом ночи (*noctis beneficio*), и никто бы об этом не рассказал, так как франки, лишенные возможности защищаться на лесистых склонах, благодаря тяжести оружия (*armorum grauitas*), были избиты все до единого (*usque ad unum*). Надо примириться с этой мыслью: при Ронсевале не было героев. Была толпа, обезумевшая от испуга, застигнутая врасплох, бегущая и падающая вниз по крутому обрыву, не знающая ни кто враг, ни откуда он, ни как применить в этой темноте свое грузное вооружение, со всех сторон поражаемая легким, может быть, метательным оружием коварных горцев... Словом то, что

рисует нам Ейнхард, не может быть названо даже битвой: это — избиение. Поэтому, раз навсегда отчаявшись в том, чтобы базировать славу Роланда на его участия в сражении 778 г., мы попробуем пойти другим путем и попытаемся решить 2-й вопрос через 1-й, т. е. предположить, что Ронсевальское происшествие достигло своего значения только потому, что в нем участвовал Роланд. В самом деле, если источник славы Роланда не течет из Ронсевальской долины, то его следует искать где нибудь по близости, т. е. найти в цикле Роланда другой мотив, который тоже мог бы претендовать на исконность. В историческом цикле исконный мотив по необходимости должен быть историческим: ведь все преимущество Ронсевальского эпизода перед рассказами о Басине и Басиле, Аголанде, Отинеле и т. п. заключается в том, что он связывает Роланда с историей. Искомый мотив должен быть еще одним мостом между сказкой и былью.

Поиски наши сосредоточатся на самом начале биографии Роланда, а именно на сюжете „рождения“ героя, как на единственном, содержащем в качестве главных героев другие исторические лица, современные Роланду и Карлу. Сюжет этот представляется нам в виде комплекса вариантов разного происхождения, но тесно переплетающихся между собою в ходе развития цикла и образующих самые разнообразные комбинации.

а) Совсем, повидимому, в стороне от прочих стоит вариант, приводимый Ульрихом Футрером (XV века)¹,

¹ G. Paris: Hist. poétique de Chm. Paris 1865 p. 408.

в котором Роланд является сыном жены корнваллийского князя, Мартоны. Лицо это истории неизвестно, что лишает весь вариант возможности претендовать на какую либо истинность;

б) Ближе к другим вариантам стоит оригинальное показание поэмы „Aquin“, по которому Роланд происходит от брака Tiori de Vannes с сестрою Карла — Bagueheut, — брака, заключенного с согласия Карла. Карл говорит после смерти Тиори:

Aquin. 1000:

„Franche personne, gentil duc poteis!
Pour le servige que jadis me feis,
Te donnay famme Bagueheut la gentis;
Ma serour est, la belle o le cler vis;
Or en est veusve et Roland orphelins!“.

(Знатная особа, благородный могучий герцог! За услугу, которую ты однажды мне оказал, я дал тебе в жены высокородную Bagueheut; это — сестра моя, светлолицая красавица. Теперь она осталась вдовой после тебя, а Роланд — сиротою).

Герцог Ваннский, Теодорих, во времена Карла нигде не засвидетельствован. У Карла не было сестры с таким именем, и реальных своих сестер он замуж не выдавал. Если в этом варианте и скрывается какая нибудь доля исторической правды, то раскопать ее сейчас не представляется возможным.

в) По тем же причинам должен быть отвергнут вариант, делающий Роланда сыном Милона Англерского и Гислы, повенчавшихся с согласия отца ее, Пиппина, или брата, Карла.

„... A ma suer Gille à la clere fasson.
Elle fut femme au riche duc Millon.
Puis la donnai au cuvert Ganelon“.

(... моей сестре светлицей Гисле. Она была женой владетельного герцога Миллона; затем я отдал ее за подлого Ганелона).

Girard d'Amiens: „Charlemagne“:

„L'aisnee des II suers, quant on la bautiza.
Fu nommee Gilain, que roy Pepin donna.
Au duc Mile d'Ayglant“.

(Старшая из двух сестер при крещении была названа Гислой; ее король Пиппин выдал за герцога Миллона Айглантского).

Как сказано, ни одна из дочерей Пиппина Короткого не была замужем.

В эпитафии Ротхайд (Poetae Latini Aevi Car. I. 57) много говорится о ее предках, об отце и брате, но ни слова о муже; а эпитафия Аделаиды (Ib. 57 — 8) прямо гласит:

„Pippini hic proles Adheleid pia virgo
quiescit“.

Что же касается Гислы, которая особенно будет интересоваться нас в течение этой работы, то текст Ейнхарда прямо запрещает думать о каком либо ее бракосочетании.

Einh. V. C. XVIII:

„Erat ei unica¹ soror nomine Gisla a puellaribus annis religiosae conversationi mancipata, quam similiter ut matrem magna coluit pietate; quae etiam, paucis ante obitum illius annis, in eo quo conversata est monasterio decessit“.

(Была у него единственная сестра по имени Гисла, с ранних лет отданная в монашество, к которой он, как и к матери, относился с большим уважением; она также за несколько лет до его смерти скончалась в том монастыре, где проводила жизнь).

Личность же герцога Милона Айгландского или Англерского — чисто мифическая и несомненно взята из наиболее распространенного варианта „рождения Роланда“, к которому мы сейчас и переходим.

г) Rotholandus, filius Milonis de Angleris, natus Bertae sororis Karoli (Turp. Hist. XI). Вот формула, присущая большинству сказаний цикла. Некоторые памятники (Berta e Milone, Reali di Francia) приба-

¹ Ошибка Ейнхарда легко объяснима: обе вышеуказанные сестры Карла скончались еще до 783 г., т. ч. Ейнхард, появившийся при дворе не ранее 794 г., не мог их помнить. С Гислою же он встречался неоднократно. Небезполезно заметить, что Ейнхард, вообще, довольно небрежно обращается с фактами, происшедшими при дворе до его прибытия. Так он говорит (SS II 453), что Карл «duos tantum filios et unam filiam priusquam moreretur amisit», и называет Карла, Пиппина и Ротруду. Это неверно: если даже не считать Пиппина Горбатого, то Карл при жизни потерял еще одного сына (Лотаря) и двух дочерей (Аделаилу и Хильдегарду); но эти трое умерли в младенчестве в 80-х годах VIII-го века, так что Ейнхард их не помнит. Это обстоятельство должно быть принято во внимание при проверке всех показаний „Жизни Карла Великого“.

вляют, что Роланд был внебрачным сыном этой четы. Другие приписывают той же Берте еще одного сына то от Милона (Gir. d'Am), то от Ганелона (Chr., Kms.) У Карла не было сестры Берты, но была дочь этого имени, которая, действительно, имела двух незаконных сыновей от Ангилберта, аббата св. Рихария. Роланд, конечно, не мог быть, в действительности, сыном этой Берты, так как в год смерти Роланда в 778 г., Берта еще не родилась ¹. Но даже совершенно немыслимо, чтобы кто либо из современников Карла мог допустить такое смешение родства и такой анахронизм, тем более, что сыновья Берты были всем известны: это — Нитхарт, знаменитый историк, и Хартнит. Т. обр., если даже факт сожительства Берты с каролингским Гомером и лег в основу сказания, что более чем вероятно (см. ниже), то к имени Роланда это сказание могло притянуться только тогда, когда семейные отношения Берты окончательно изгладись из воспоминания и, во всяком случае, не раньше смерти ее реальных сыновей, т. е. не ранее середины IX века. ²

д) Гораздо меньше исторических несообразностей, повидимому, содержит пятый вариант, по которому Роланд рождается от преступного сожительства Карла с собственной сестрой Гислой [которая в „Mireur des Histoires“ (XIV века), названа Бертой по аналогии

¹ Карл в 771 г. женился на матери Берты, Хилдегарде, у которой перед тем было шестеро детей: Карл, Пиппин, Лотарь, Ротруда, Аделаида, Хилдегарда. Берта родилась в 780 г. (см. Wattenbach. Geschichtsquellen 1,175).

² Нитхарт умер 14 июня 544 г.

предыдущего варианта]. Здесь мы имеем то преимущество, что все три действующие лица, т. е. Карл, Гисла и Роланд, безусловно засвидетельствованы историей и жили в одно время. Но вышеуказанное взаимоотношение этих лиц есть исключительно достояние эпоса, к тому же, на первый взгляд довольно сомнительное, так как происхождение героев от кровосмесительных браков — мотив довольно распространенный (хотя и не во французском эпосе). Однако, указать какой либо чужестранный или местный извод этого варианта не представляется возможным, тем более, что передача его весьма скудная и, большей частью, за исключением Карламагнусаги (см. II, I), крайне лаконическая.

Rms. I 36:

„Karlagnús konungr fór til Eiss ok fann
thar Gilein¹ systur sína ok leiddi hana
i svefnholl sína ok svaf hann, hjá henni, svá
at hann lagdhi ást vit hana, til thess er lag
theirra vardh“.

(Король Карламагнус поехал в Аахен и нашел там Гислу, сестру свою, и повел ее в свою опочивальню и спал с нею, творя с нею любовь, пока продолжалось их совместное проживание). От них родился Роланд.

¹ Gelem, Gilem в рукописях являются описками. Gilein, как Adein от фр. Gilain, Audain.

Tristan de Nanteuil" (XIV):

„Le peché fu orribles, on ne le sot
neant;
Mais li aucun espoirent et tous ly plus
sachant.
Que se fut le péché quant engendra
Roulant.
En sa sereur germaine, se va on e s p e
r a n t.
Car il n'est nul q'au vrai vous en
voit recordant“.

(Грех был ужасен: он остался неизвестным; но некоторые полагают и, главным образом, наиболее осведомленные, что это был тот грех, когда он зачал Роланда со своею родной сестрою; так, обыкновенно, полагают, ибо нет никого, кто рассказывал бы об этом с уверенностью).

Jean de Pretz: „Mireur des Histoires" (1399): „E ch'es-toit, ch'ou veut on dire, qu'il avoit cognut sa serour Bertain charnellement“.

(И [грех] заключался в том, как [некоторым] угодно говорить, что он плотски познал сестру свою Бертю).

Roman de Berte: „Et veulent raconter les histoires, que Charlemagne, qui aussi fut filz au roy Pepin... l'engendra, celui Raoulant en icelle sa soeur Gille“.

(И (некоторым) угодно рассказывать (в) историях, что Карл Великий, который был тоже сыном короля Пипина... зачал этого Роланда с этой своей сестрой Гислой.)

Chronik v. Weihenstephan (ms. XVb) с. VIII ¹⁾: „Ein anderer lieblich Karls war Rueland oder Roland, ein sohn seiner schwester, die mit dem herzog Ganelan vermählt war, die aber Karl so sehr liebte, dass viele glaubten, er habe den Roland mit ihr erzeugt“.

Если, таким образом, хроника пытается объяснить возникновение одиозного сказания неверно понятою братскою любовью Карла к сестре, то другой памятник для этой же цели выдвигает любовь Карла к Роланду.

Reali di Francia 70 ²⁾: „Carlo l'amava tanto, che lo teneva come suo proprio figliuolo adottivo, intanto che Carlo sempre lo chiamava figliuolo, per il piu delle volte, pero volgarmente fu detto, che Orlandino era figliuolo di Carlo, contrario al vero, ma ben egli pareva suo figliuolo; ma non di peccato originale. Amavalo il Ré per la sua virtu“.

(Карл так любил его, что обращался с ним, как с собственным приемным сыном, настолько, что Карл, в большинстве случаев, называл его сыном, благодаря чему обычно стали говорить, что Орландино (Роланд) был сыном Карла, вопреки истине; но он действительно, казался его сыном; но не от смертного греха. Любил его король за его достоинства).

Мы процитировали текстуально все эти выдержки, большую часть которых можно найти на страницах „Histoire poétique“ (р. 379), для того чтобы показать не что они передают, а как передают. Одна только

¹ Цитируем по передаче Aretin'a (Aelteste sage etc. Münch. 1803 s. 83) за неимением под рукой текста.

² Ed. G. B. Brigna. Venetia 1665.

Карламагнуссага относится к сюжету с эпическим спокойствием. Все остальные упоминают о нем вскользь и нехотя. Иные (Weih. Chr., Reali) недоумевают, откуда бы он мог взяться и стараются доказать, что он возник „в порядке недоразумения“. Все отклоняют от себя авторство и кивают на других: „li aucun espoient“, „chou veut on dire“, „ueulent racompter les histoires“, „viele glaubten“, „vulgarmente fu detto“. Иные, как Tr. d. Nant, сомневаются в истинности рассказа „car il est nul q'au vrai vous en voit recordant“, иные, как Reali, прямо отрицают его (contrario al vero).

Есть источники, которые даже боятся его изложить и ограничиваются только слабым намеком. Так епископ Мускет (XIII в.), который в своей Хронике¹ для рассказа о Гисле пользуется вышеприведенным местом из Ейнхарда, делает в нем характерное добавление.

Mousk. 2700

„Carles une serour auoit
Ghillain, que durement amoit
Quar biele estoit et
s'amoit Deu
Et si fu nonne en Isaint leu“.

„Erat ei unica soror nomine Gisla... quam... magna coluit pietate religiosae conversationi mancipata“).

(У Карла была сестра, Гисла, которую он очень любил, ибо она была красива; она любила бога и стала монахиней в некоей святой обители).

Свое добавление Мускет мог взять только из нашего сказания: текст Ейнхарда не давал для этого

¹ Chronique rimée de Phil. Mouskes. ed. Reiffenberg. Brux. 1836.

никаких оснований, ведь там *explicite* сказано, что Карл относился к Гисле, как к матери (*similiter ut matrem*). Но Мускет, хоть и знал сказание о грехе Гислы, считал его неподходящим для передачи и поспешил опереться против его на авторитет другого, известного ему популярного варианта. Сосуществование двух противоречащих друг другу версий выступает здесь со всею ясностью.

Mousk. 2706.

„S'ot Charles une autre sereur
Bertain; cele prist a signeur
Milon d'Anglers, s'en ot Rollant
Le hardi conte, le vallant“.

(У Карла была другая сестра, Берта; эта взяла себе в мужья Милона Англерского; от него она родила Роланда, храброго доблестного графа).

Другой источник, чтобы избавиться от ненавистного варианта решил даже раздвоить личность Роланда.

Turpini Historia XI (ed. Castets. p. 17): „*Rotholandus dux exercituum comes Cenomannensis et Blauii dominus, nepos Karoli, filius Milonis de Angleris, natus Bertae sororis Karoli, cum 4000 uirorum bellatorum; aliust amen fuit Rotholandus, de quo nobis nunc silendum est*“.

(Роланд, вождь дружин, манский граф и барон Блэ, племянник Карла, сын Милона Англерского, сын Берты, сестры Карла, (явился) с 4000 вооруженных мужей: был, однако, и другой Роланд, о коем нам здесь приличнее умолчать).

Какой же вывод можно сделать из такой передачи относительно исконности разбираемого варианта? Как должны мы представлять себе его возникновение? Решение возможно только в трех направлениях: перед нами или заимствование, или новообразование, или исконный мотив. Первая альтернатива должна быть по необходимости отклонена: ничто не указывает на происхождение интересующего нас мотива из чуждого эпоса или из другого цикла, тем более что все действующие лица тесно связаны и с ней-стрийской почвой и с циклом Карла.

Предположим дальше, что наш вариант есть новообразование. Но почему оно могло возникнуть? Может быть оно является результатом столкновения двух других вариантов? Но тогда мы должны были бы доказать, что оно выступает в качестве примиряющего третьего между двумя отталкивающими друг друга вариантами, к чему, однако, данный мотив менее всего приспособлен. Но новообразования могут также возникать из старых мотивов в виде уступки этическим или эстетическим требованиям какой либо эпохи или среды. Не стоим ли мы перед явлением такого порядка? Но вот такое то решение категорически воспрещается характером передачи нашего варианта. В самом деле, как представить себе цель создания и причины сохранения рассказа, который никому не нравится, от которого все отрешиваются? И для духовенства (Mouskes), и для мирян (Tr. d. Nant.) он одинаково одиозен. И так — во все века нашей традиции, — в XII (Turp.), в XIII (Mouskes), в XIV (Jean de Pretz) и в XV (Weihenst). У нас нет никаких оснований полагать, что дело обстояло иначе

в X и в XI вв.; напротив, обозрение источников показало, что чем ближе к исконной эпохе, тем ненавистный мотив усерднее замалчивается (Turp., Mouskes), тем более строгой цензуре он подвергается.

Если по содержанию своему наш мотив противоречит гипотезе о новообразовании, то еще менее похож он на таковое по своей литературной обработке. Чтобы не далеко ходить за примером, возьмем несомненно поздний (см. выше) мотив о происхождении Роланда от Милона: вокруг него вырастают целые поэмы Gir. d'Am., Berta e Milone, Orlandino, в то время как наш вариант жалко паразитирует около других сюжетов. Если, таким образом, разбираемый вариант не может быть плодом ни заимствования, ни новообразования, то нам остается только один выход, а именно, предположить, что это — исконный мотив. Серьезных теоретических возражений *a priori* против такого предположения как будто не предвидится.¹ Но как представить

¹ См. Léon Gautier. „Las épopées françaises“. P. 1867. II. p. 57: „Nous ne saurions admettre que ce soit là véritablement la légende originale, la version primitive. Ce conte est trop odieux pour être antique. Et si on ne veut pas regarder comme suffisamment scientifique cette raison tirée de notre indignation, nous en donnerons une autre qui nous paraît difficilement réfutable. Roland, dans la chanson d'Oxford, est toujours représenté comme le vrai neveu de Charlemagne, et il n'est fait aucune allusion à cet inceste de l'empereur qui souille les pages de la Karlamagnussaga. Or, le „Roland“ d'Oxford est le monument le plus respectable, le plus antique que nous puissions consulter sur la question: et nous nous déterminerons d'après lui à suivre la tradition... qui fait de Roland le fils de Gille et de Milon“. На это можно возразить, что

себе возникновение такого рассказа в эпоху Карла Великого? Тогда еще меньше, чем в другую эпоху он мог бы явиться плодом досужей фантазии. Остается предположить только одно: что нет дыма без огня и что рассказ этот передает или сущую истину, или, по крайней мере, содержит большую долю исторической правды.

В этом собственно и заключается все содержание гипотезы, которую нам предстоит обосновать. Мы предполагаем, что Роланд был, действительно, сыном Карла и Гислы и что это было известно их современникам.

Предстоит, значит, обосновать исконность мотива, а следовательно, и правдоподобность гипотезы, из данных эпоса и из данных истории, а затем доказать приложимость его к решению вопроса о централизации.

во-первых, Оксфордский Роланд — памятник конца XI в., т.-е. на какихнибудь 50 лет старше Турпина, который, повидимому, знает наш вариант; а во-вторых, Оксфордский Роланд не знает ни Милона, ни Гислы, ни Берты: он говорит только, что Роланд — сын сестры Карла. *La recherche de la paternité n'est donc point interdite.*

II. ПРАВДОПОДОБНОСТЬ ГИПОТЕЗЫ

1. Историко-литературная правдоподобность

Несмотря на свою одиозность и вытесняемость, мотив рождения Роланда от Карла и Гислы не совсем изолирован от прочих частей цикла. Он всегда появляется в соединении или с „чудом св. Егидия“, или с сюжетом „детства Роланда“. Первое соединение не может нас интересовать, как несомненно позднее.¹ В изводе „чуда“ грех, скрытый королем от Егидия, конечно, не был помечен, и кровосмешение Карла естественно притянулось к этому пробелу.

Связь „рождения Роланда“ с эпизодами его „детства и более тесна, и сильнее разнообразится по различным памятникам. В этой связи обыкновенно

¹ Сказание искони не привязано ни к Егидию, ни к Карлу: тоже рассказывалось о св. Елевтерии и Феодуле с одной стороны, о Хлодвиге — с другой. Вариант об Егидии и Карле Великом уже потому не имеет преимущества перед другими, что соединение этих двух личностей является анахронизмом. Кроме того, перенесение с Хлодвига на более популярного Карла гораздо вероятнее, чем обратное (см. „La vie de S. Gilles“ par Guillaume de Berneville, ed. Paris et Bos. P. 1881. — Préface).

интересующий нас вариант скрещивается со сказанием о Милоне и Берте, которое, как мы показали, не может быть исконным. Выделить элементы этого сказания из отдельных рассказов о „детстве Роланда“ совершенно необходимо для выяснения исконного варианта „детства“ (Enfances Roland) и его связи с предполагаемым нами исконным „рождением“. Объектом такой операции должны послужить все известные нам „enfances“, в которых идет речь о происхождении и первых шагах Роланда, а именно, Karlamagnussaga (K), соответствующая часть „Charlemagne“ Girard d'Amiens (G), Berta e Milone и Orlandino (B), Reali di Francia (R).¹ Но для того, чтобы выделить сказание о Берте и Милоне (БМ) надо узнать, какие черты, действительно, принадлежали этому сказанию до соединения с „рождением и детством Роланда“ (Р), т. е. установить извод БМ.

Сказание о Берте и Милоне (БМ)

Мы уже указывали на то, что некоторые черты в песнях наводят на мысль о происхождении эпической Берты от соименной исторической дочери Карла (см. I). Правда, от исторической истины наши песни очень далеки: Берта с Ангилбертом не венчалась и Роланд не родился от этого брака. Но уже, по крайней мере, вначале XII в. (са 1110) в мона-

¹ Даманн в своей работе „Uber d. verlorene epos Enfances Roland“ (Diss. Greifswald. 1907) упустил из виду версию K, а также ценный отрывок из Renaus de Montauban, что лишает выводы диссертанта значительной части их убедительности.

стырях циркулировала легенда о Берте и Ангилберте (Б), очень близко подходящая к песенному рассказу. Мы говорим о так называемой Анскариевой *Vita Angilberti* (см. MGH. SS XV, 180), которую мы теперь собираемся впервые привлечь к объяснению разбираемого варианта.

Но в *V. Angilberti* ни слова не говорится о Милоне. В каролингскую эпоху это имя очень распространено, но ни один Milo, скольконибудь подходящий к нашим целям, летописями не засвидетельствован. Из многочисленных же легендарных Милонов наиболее подходящим является герой *Lais de Milun* Марии Французской (М), известный во Франции, вероятно, еще до обработки Марии.¹ Из слияния сюжетов Б и М, как кажется, и возникло искомое сказание о Берте и Милоне (БМ). Разложим оба сюжета на отдельные мотивы и посмотрим как произошло слияние.

Б—а) Имя героя — Ангилберт, б) имя героини — Берта, дочь Карла, в) Ангилберт служит при дворе, г) за свои достоинства он любим всеми, д) Карл Великий его отличает, е) привлеченная его успехами, в него влюбляется Берта, дочь короля, ж) инициатива исходит от Берты: она всеми силами старается стать женой Ангилберта, з) Карл недоволен этой любовью, но боится худших последствий, и) Карл советуется с придворными и, по их совету, i) богато обряжает Берту и к) выдает ее замуж за Ангилберта, л) к радости всех присутствующих, м) затем

¹ Близость М и МБ отмечена уже *Rajna Ricerche intorno ai Reali di Francia* 254—5. См. также *Dammann* l. c. 11.

он дает Ангилберту герцогство Приморской Фран-
ции, н) от брака рождаются 2 сына (Нитхард
и Харнид).

М — о) Имя героя — Милон, п) героиня не названа: damizelle, дочь барона, р) Милон служит при дворе, с) за свои достоинства он всеми любим, т) князя его отличают, у) услышав о славе Милона, в него влюбляется дочь барона, ф) инициатива исходит от девушки: она извещает Милона о своей любви, х) девушка становится беременной, ц) она объявляет о том Милону, ч) в это время Милон впадает в бедность и ш) принужден уехать, щ) у девушки рождается сын (не назван, потом получает прозвище Sanz-Per, несравненный), ь) сын отправляется на чужбину с кормилицей, ы) девушка выходит замуж за другого, ъ) она переписывается с вернувшимся Милоном при помощи ученого лебедя, ѳ) сын выезжает искать отца, встречается с ним на турнире, побеждает его, после чего происходит примирение (сюжет „боя отца с сыном“) и э) брак Милона с овдовевшей возлюбленной.

Между обоими сказаниями существует ряд точек соприкосновения, которые служат источниками притяжения, и по завершению одного, сливаются. Такими взаимно притягивающимися точками являются: в — р, г — с, д — т, е — у, ж — ф, к — э. Что касается мотивов (а) (б) и (о) (п), т. е. имен героев, то здесь произошло скрещенье, не заключающее в себе ничего неестественного. Мотив (о) вытеснил (а), т. е. Милон стал на место Ангилберта, это вполне нормально, если принять во внимание, что соединение произошло на почве светского эпоса, где Милон

является чрезвычайно распространенным именем,¹ а Ангилберт совершенно неизвестен. Совершенно естественно, также, что (б) вытеснил (п), т. е. имя Берты заполнило пробел, образованный в М ничего не говорящим нарицательным именем героини.² Так из слияния сказаний об Ангилберте и Берте (Б) и о Милоне и девушке (М) получилось сказание о Берте и Милоне (БМ).

Значительно более сложно соотношение мотивов (н) и (щ). Они исключают друг друга, но, с привлечением БМ к циклу Роланда, 2-й сын потерял значение и потому часто или опускается, или приписывается не Милону, а второму мужу Берты (или Гислы), Ганелону. Французский эпос так и не остановился ни на каком определенном решении. Мускет довольно ясно изображает противоречие памятников.

2794:

„Et de Milon d'Anglers ausi
Ot cele Berte, dont je di,
Baudouin ki moult fu gentius,
Moult ama Berte ces II fius.
Mais non pour quant cestui, dist on,
Que cis fu li fius Guenélou“.

¹ Langlois (Table des noms propres) приводит 51 различных Милона, встречающихся во французском эпосе. Имя d'Anglant d'Anglers, d'Angleris, как название земли, не имеет никакого смысла. Нет ли здесь какого либо искажения первоначального Angilbertus, как попытка примирить две сосуществующие версии сюжета?

² Мы не сочли нужным пометить в нашей схеме, что Карл Великий вытеснил незначительного барона из М.

(И также от Милона Англерского имела Берта, о которой я говорю, Балдуина, который был весьма благороден; очень любила Берта этих двух сыновей. Но, тем не менее, говорят, что последний был сыном Ганелона).

Слияние Б и М произошло на том основании, что сюжет Б не содержит описания любви двух героев, что для романа XII века совершенно необходимо. Поэтому нужное описание было взято из М, а именно часть М от (х) до (ъ) была вставлена в Б между (э) и (и). Остальная же часть М никак не входила в схему Б и была опущена. Итак:

БМ = о, б, в(р), г(с), д(т), е(у), ж(ф), з, (х, ц, ч, ш, щ, [н], ъ), и, і, к, л, м.

В таком виде это сказание с различными вариациями фигурирует во французском эпосе.

Посмотрим теперь, насколько мотивы БМ отразились в памятниках Роландова цикла, описывающих „рождение“ и „детство“ героя. (К, G, В, R).

(о) (б):

Имя Милона встречается во всех четырех источниках, имя Берты — только в В и R.

(в): Б:

„Anno dominicae incarnationis 754... vir inclitus Angilbertus generis nobilitate illustris animique industria ac probitate nulli secundus palatinis atque regalibus negotiis implicitus degebat“.

(В лето от Воплощения Господа 754... достославный муж Ангилберт известный знатностью рода и искус-

ностью ума и никому не уступающий в честности, усердно нес придворные и государственные обязанности).

М: 13:

„Mut par esteit bons chevaliers
Francs, e hardiz, curteis e fiers“.

(Он [Милон] был очень хорошим рыцарем, благородным, храбрым, вежливым и воинственным).

В: 5:

„Bernardo de Clermont, ne le fo nul
milor...“

7:

V filz oit. Milon fo li menor,
A l'inperer servoit et de noit e de jor“.

(Бернард Клермонский, не было лучшего, чем он... 5 сыновей было у него, Милон был младшим; императору служил ночью и днем).

Р: 52:

„Fra gl'altri vi era Milo figliuolo di Bernardo
di Chiaramonte“.

(Среди других [при дворе] был Милон сын Бернардо Клермонского).

(г): Б:

„Erat enim totius affabilitatis et cautissimae
iocunditatis cumulatus... staturae quoque
elegantior et vultu venustissimus, ut...
omnibus qui eum videre vel audire pote-
rant ueniret in amorem“.

(Был он исполнен всяческой любезности и остроумной веселости, строен станом и весьма привлекателен лицом, так что во всех, кому случалось его видеть или слышать, он возбуждал расположение).

М 19:

„Pur sa pruesce iert mut amez“.

(За свои доблести он был очень любим).

В 9. „Molto fo amez da li baron de la cor“.

(Он был очень любим придворными баронами).

(д) : Б : „Et splendore suae indolis eorundem regum animos in tantum sui amorem accendebat, ut tanquam filium vel fratrem carissimum vehementissime eum diligenter.

Praefatus... rex Karolus in... amititiam (sic) eum tenuit“.

(И блеском своего ума он возжег в душах этих королей (Пипина и Карла) такую к себе любовь, что они сильно любили его, как сына или дорогого брата. — Вышепоименованный король Карл питал к нему дружбу).

М 20: „E de muz Princes honurez“.

(И почтен многими князьями).

Р 52: „... Carlo... tanta amava Milone...“
(Карл так любил Милона).

(е) : Б : „Berta, avidissimo amore in clarissimum virum Angilbertum oculos iniecit... quem in paterno amore super omnes mortales conualuisse nouerat“.

(Берта со страстнейшею любовью обратила взоры свои на достославного мужа Ангилберта... о коем она узнала, что он более кого либо из смертных пользуется любовью ее отца).

М 25: „Ele oi Milon nomer.
Mut le començat à amer“.

(Она слышала, как прославляли Милона (и) прониклась к нему сильной любовью).

В 19: „Ces fu Milon li saço e li doté.
E quel serve a K. volunter e de gré.
Tant avoit Milon en soi gran belté.
Desor tot ren Berta li oit amé
Si malament ne fo enamoré
Mançer ni boir non poit a planté“.

(То был Милон, мудрый и одаренный, и служащий Карлу охотно и с радостью. Такою он обладал великою красотою, (что) больше всего на свете полюбила его Берта. Так страшно была она в него влюблена: не могла она вдоволь ни пить, ни есть.)

Р 52: „Ed ella più volte ponendo a mente a tutti
gli altri baroni, non ne vedeva alcuno tanto
leggiadro, ond'ella comincio ad amarlo“.

(И она все время мысленно оценивая всех остальных баронов, не видела ни одного такого любезного (как Милон), благодаря чему она полюбила его.)

(ж) Б: „Eundem sibi in sponsi titulum et amoris
remedium totis affectibus pervenire praeoptabat“.

(Всеми силами души она желала, чтобы он стал ей супругом и лекарством ее страсти.)¹

М 27: „Par sun message li manda,
Que si li plust, el l'amera“.

(Своим письмом (или устно через вестника) она известила его, что она полюбит его, если он этого хочет).

Р 52: „Si accese tanto (l'amore) che Berta scrisse
una lettera di sua mano a Milone e mandogliela per una secreta cameriera“.

(Так возгорелась (любовь), что Берта написала своею рукою письмо Милону и послала его ему с одной верной (не болтливой) служанкой).

(з) „Qui quidem molestate tulit huiusmodi votum
in cara prole exortum sed veritus ne res in
peius procederet, considerans etiam domni
Angilberti a proavis nobilitatem...“

(Он (Карл) неодобрительно отнесся к такого рода желанию, явившемуся у его любимого дитяти, но боясь, чтобы дело не приняло худшего оборота,

¹ Сходство с М и Р заключается здесь только в инициативе исходящей от Берты, что отчасти соответствует ее историческому характеру. Вспомним, как сам Ангилберт характеризует ее в своей поэме Carolus M. et Leo papa (P. L. aevi Car. 1) 220

„Proxima Berta nitet, multis sociata puellis.
Voce, virili animo, habitu vultuque corusco
Os, mores, oculos imitantia pectora patris
Fert...“

и принимая во внимание знатность предков отца (domni abbatis) Ангилберта...)

R. 484. „Che se n'avvide, fù Carlo, il qual tanto amava Milone, che a lui non disse;.. ma bene ordino a Berta maggior guardia“.

(Заметил это (т. е. любовь Берты и Милона) Карл, который настолько любил Милона, что не сказал ему... но, вместе с тем, приставил к Берте лучшую охрану.)

В: Здесь сказано только, что Карл мечтал о лучшем браке для любимой дочери.

(32: D'ele cuidoit far un gran parenté,
Doner la a rois, a cons o amirè).

Но он не узнает о чувствах влюбленных до их бегства.

К: Здесь Карл тоже выдает Гислу за Милона из боязни худших последствий, но последствия эти иначе обусловлены.

(x) М. 53: „Tant i vint Milun, tant l'ama.
Que la Dameisele enceinta“.

(Так часто приходил туда Милон, так любил ее, что девушка забеременела).

Б. 40: „Tant fu la colsa de jor en jor alé.“
„Que cella dame si fo engravidé.“

(Так, изо дня в день, дело зашло настолько далеко, что эта дама забеременела.)

R. 52: „Facendo in questo modo in capo dell'anno ella fu grossa di se mesi“.

(Так поступая, в конце концов, она была беременна по шестому месяцу.)

(ц) М. 55: „Quant aperceit qu'ele est enceinte,
Milun manda, si fist sa pleinte“.

(Когда она заметила свое положение, она объявила о том Милону и пожаловалась ему.)

В. 55: „Quant Berta se sent encinta de l'infant,
En soa vite la no fo plu dolant;
O'vi Milon, si le dis planemant“.

(Когда Берта чувствует, что она беременна ребенком, она была огорчена как никогда в жизни. Поэтому она увидела Милона и прямо сказала ему).

(ч) М. 58: „Sun pere è sun bien ad perdu“.

(Своего отца и свое добро он (Милон) потерял).

В. 416: „De civaler el devene boscher“.

(Из рыцаря он превратился в дровосека).

В R: Милон не в силах вынести бедности, постигшей его (после изгнания).

Г: Дамманн правильно указывает (l. c. 47), что переодевание Роланда в „толстую и грубую одежду“ без всякой видимой надобности есть реминисценция „бедности“ семьи Роланда.

G. 480, 58: „Pois s'ala d'une robe grosse et rude parer“.

¹ Это впечатление от характера Берты отразилось во всем ходе рассказа В, где Берта проявляет гораздо больше энергии, чем Милон.

Сл. В. 411: „Son per li alevò en grand povertè“.

(ш) М. 123: „Milun eissi fors de sa tere
En soudées pur sun pris quere“.

(Милон выехал из своей страны, чтобы искать заработка на наемной службе).

В R Милон, чтобы заработать себе на хлеб, оставляет Берту и Роланда и отправляется в Африку, где нанимается на службу к султану.

(ч-щ) Б: „... duos filios, Nithardum et Harnidum procreauit“.

(Он породил двух сыновей, Нитхарда и Харнида).

М. 89: „La Dameisele enfanta“.

(Девушка произвела на свет ребенка).

K I 36: „En sveininn var foeddr 7 mànudhum sidhar“.

(И ребенок родился через 7 месяцев [после брака Милона с Гислой]).

G. 478:11: „... D'aler veoit sa seur et Rollandins son hoir
Et I sien petit frère; Il ans pooit avoir“.

(... Чтобы навестить свою сестру и Роландина, ее сына, и его маленького брата; то ему могло быть, года два).

B. 312: „Hec partori li son fio primer,
Co fu Rolando li meltre civaler“.

(Там она родила своего первого сына: то был Роланд, лучший из рыцарей.)

R. 52: „Berta partori un figliuolo maschio“.

(Берта произвела на свет дитя мужского пола).

(ѣ) М. 113: „Nurice menoent od aus“.

(Кормилицу они везли с собой).

K. I. 36: „Ok bat abòta, gutfodhur hans, at hann skyldi
vel vardhveita...“

Abòtinn tòk vidh ok fèkk honum 4 fostrur“.

(И просил он [Карл] аббата, крестного отца [мальчика], воспитывать его. Аббат взял его к себе и приставил к нему 4 кормилиц).

(и) Б: „Inito consilio cum primoribus“.

(Посоветовавшись с вельможами).

B(Orl.) 382: „Que davanti vos si la sposi Milon“.

384: „E dist K.:Questo conseil è bon“.

(Наймс советует: „Пусть при вас обвенчается с нею Милон“. И сказал Карл: „Это хороший совет“).

R: Здесь тот же мотив развит. Наймс самочинно венчает Берту с Милоном.

K: Карл советуется только с Егидием: мотив приспособлен к „чуду св. Егидия“.

(i) Б: „... filiam accurate et regalar exornatam.

Изящно и по царски убранную.

B (Orl) 303: „E faites faire robe como el se convè.
A roine“.

(И закажите платье, какое подобает королеве).

R. 67: „Berta... fu come Regina adornata e rivestita“.

(Берту украсили и одели, как королеву).

(к) Б: „Die statuto filiam... domno Angilberto coniugem sociavit“.

(В назначенный день отдал дочь свою в жены Ангилберту).

К 36: „Gipti systur sina Miluni“.

(Отдал сестру свою за Милона).

G: Брак происходит в 1-ой части и обусловлен другими обстоятельствами.

B (Orl) 413: „Milon vait la dama a sposer.
Veçando la cort e tot li berner“.

(Милон венчается с дамой на глазах двора и всей знати).

В R 53: Тоже много свидетелей („tutti quelli che erano stati present“), но Наймс приказывает им не говорить о свадьбе, пока молодые не успеют скрыться.

(л) Б: „Cunctis faventibus, qui adesse poterant“.
(С одобрения всех присутствующих).

B. (Orl) 379: „Faites li far une colse qui saura
a ogn'on bon“.

382: „... Que davanti vos si a sposi
Milon“.

415: „Gran corte fo e davant e dorer
E l'imperer qe tant se fi loer
Quella ovre no volse oblier“.

(Заставьте их сделать дело, которое всем понравится, чтобы в вашем присутствии обвенчался с нею Милон... Пышно было собрание двора и до, и после, и император, который [этим делом] заслужил столько похвал, захотел увековечить это [благое] дело).

(м) Б: „Data est etiam illi maritima Franciae magna
pars in ducatum“.

(Дана ему была также большая часть приморской Франции в виде герцогства).

K I 16: „... ok gerdhi hann hertuga yfir Bretanna

(И сделал его [Милона] герцогом над Бретанью).

Г: Милон уже до брака является герцогом Айглантским.

В: Карл посвящает Милона в рыцари (см. ниже).

Если мы теперь сведем вместе черты основного сказания **БМ**, отразившиеся в наших четырех памятниках, то получим схему:

К: о, з?, и, к, м, щ (н), ъ.

Г: о, ч, к, м, н, (щ).

В: о, б, в, г, е, з, х, ц, ч, щ (н), и, і, к, л, м?.

Р: о, б, в, д, д, ж, з, х, ч, ш, щ (н), и?, і, к, л.

Из этой схемы явствует, что только В и Р восприняли часть **БМ** приблизительно в одинаковом количестве и в одинаковой группировке, заимство-

ванной из общего источника... Группы К, G и BR, повидимому заимствовали БМ одновременно и, может быть, из разных версий БМ. Все четыре памятника присоединили перечисленные черты к известному субстрату и затем прибавили еще ряд новых мотивов, составляющих специфический аугмент каждого из них. Чтобы выяснить искомый общий субстрат (Р) надо вычесть из каждого памятника сначала черты БМ, а затем специфический аугмент.¹

„Enfances Roland“ (Р)

Мы совершим обзор мотивов, встречающихся в К, G, В, R и не входящих в состав БМ, касаясь только реального состава этих рассказов и совершенно не принимая во внимание порядка группировки материала и копулативных новообразований, возникших в процессе соединения БМ с Р и других соединений.

К = БМ + 1) Имя сына — Роланд, 2) мать — сестра Карла, 3) имя ее — Гисла, 4) отец — Карл, 5) 7 лет Роланд воспитывается вдали от Карла, 6) Роланд 2 раза является к Карлу, 7) он богато одет, 8) окружен свитой, 9) Карл хорошо принимает его и целует, 10) Роланд посвящен в рыцари, 11) затем отправляется в Бретань, 12) перед появлением при дворе он совершает подвиг, (который должен был вызвать гнев Карла,

¹ Схема рассуждения такова: $K = \text{БМ} + \text{Р} + \text{X}$, $G = \text{БМ} + \text{Р} + \text{Y}$, $B = \text{БМ} + \text{Р} + \text{Z}$, $R = \text{БМ} + \text{Р} + \text{Z}$. Минимальный объем Р, поскольку он отразился в К, G, В, R, получается по совершению соответствующих перестановок в указанных уравнениях.

но Карл его прощает), 13) Роланд едет с Карлом на войну.

G=BM+1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 11? (Роланд уже живет в Бретани), 12—14) Роланд совершает второй подвиг уже при дворе Карла, 15) Карл умиряет врагов сестры.

B=BM+1, 2, 5?, 6, 7, 8, 9, 10?, 12, 14. — 16) Милон и Берта навлекают на себя гнев Карла и принуждены бежать в Италию, 17) 1-е посещение разбито на несколько посещений и 2-й подвиг на несколько подвигов.

R=BM+1, 2, 6, 7, 8, 10, 11? (Карл делает его графом Айглантским), 12, 14, 16, 17. — 18) Милон поступает на службу к Африканскому султану.

Так как В и R несомненно восходят к одному источнику, то все черты, встречающиеся в В или R и в каком либо из других вариантов (G или K) объяснительны для общего источника BR. Исходя из этого рассуждения, можно разделить все перечисленные выше мотивы на три категории: I) Мотивы, объединяющие все варианты, т. е. KGR, KGB или KGBR; мотивы этой категории несомненно входят в искомый субстрат (P). — II) Мотивы объединяющие 2 варианта, т. е. KG, KBR или GBR; такие мотивы могут или входить в P, или представлять совместные приобретения двух вариантов. III) Мотивы, встречающиеся в одном из вариантов, такие мотивы могут быть или удержавшимися частями P, или аугментом соответствующего памятника.

I) 1, 2, 5?, 6, 7, 8, 9, 11?, 12. — II) KG: 3, KBR: 10, GBR: 14, — III) K: 4, 13, G: 15, BR: 16, 17, R: 18.

Проверим теперь каждый мотив на возможность его эпической исконности.

(1) (2)—Роланд—племянник Карла, сын его сестры „li nies Charlon“ „nepos Karoli“ „systurson Karla-magnûsar“ и т. д. Несмотря на все изменения и дополнения, переживаемые циклом, несмотря на резкое расхождение с БМ (Берта ведь была дочерью Карла) эта черта остается в нем, как постоянное, неоспоримое положение. Мы встречаем его не только во всех вариантах цикла Карла, но и везде, где встречается Роланд, например, в феодальных циклах. На этом родстве даже больше чем на личной доблести, основано первенствующее положение, занимаемое Роландом при дворе Карла. Распространенность и органичность этого мотива в цикле так велика, что ни один другой, кроме смерти при Ронсевале, не может с ним сравниться. Значение его в цикле ясно бросится в глаза, если сравнить его с другими мотивами выдвинутыми, как основные в предыдущих теориях. Роланд свободно может быть похоронен не в Блэ, а в любом другом месте, и ни разу не упоминать ни о S. Michel du Peril и даже о Бретани: цикл от этого существенно не переменится. Но если Роланд не будет племянником Карла и не умрет при Ронсевале, то это будет совсем другой цикл. Таким образом, значение мотива (2) приравнивается к значению единственного исторического и, значит, основного мотива (Ронсеваль), а, может быть, даже и превосходит его. Если такой мотив составляет основу Р, то, значит, и самый

субстрат Р может быть исконным в цикле.

(5) K I 36: „En er hann var 7 vetra gamall, tha faerdhi àbòti hann Karlamagnussi“.

(А когда ему минуло 7 лет, тогда аббат привел его к Карлу Великому).

G 482.20: „Avoit il bien esté VII anz si maladis
Et si povres de cors et si tres mal baillis
C'on quidoit bien qu'il fust de jour en jour
finis.

Se ce ne fust, piec'a, de sa mere tramis
Fust Kll'on son oncle et avoec li norris.
Mès ainsi le vout diex le roy de paradis“

(Он [Роланд] 7 лет был настолько болезненным, и так слаб телом и так плохо сложен, что все думали, что он умрет со дня на день. Если бы не это, он был бы давно передан матерью своему дяде Карлу и воспитан при нем. Но так было угодно царю небесному).

B. 412: „Tant qe il avoit VII ani pasé
Mal fo vesti e mal acoroé“.

(Пока ему не минуло 7 лет [т. е. все время, пока он жил при родителях вдали от Карла] он был плохо одет и плохо обут.)

Итак, все три источника дают разные причины воспитания Роланда вдали от Карла. Мотивировка В возникла из соединения с БМ; мотивировка G совсем изолирована (о болезни Роланда нигде речи

нет) и, вернее всего, придумана *ad hoc* для замены какого нибудь старого мотива.¹

В К мотив (5) естественно вытекает из всего хода рассказа, так как Карл скрывает, что он отец Роланда. Вполне мыслимо, что К сохраняет основную версию, чего нельзя сказать о других двух вариантах.

(6) К представляет дело так: в первый раз Роланд является к Карлу в семилетнем возрасте, после чего он уже воспитывается в близком контакте с двором, так как Карл „приказал тогда Наймсу часто приходить к нему во дворец с мальчиком“ („*en Nam-lun bat thà komu opt medh sveininn til herbergja hans*“); затем Карл отправляет его в Бретань к Милону и Гисле (11); через некоторое время, когда Карл идет на войну против Жирарда Вианского, Роланд прибывает в лагерь и отправляется с Карлом в поход (13).

С дает иное описание посещений Роланда в связи с мотивами (14) и (15), ВК — в связи с (14) и (17). Сравнение вариантов может быть произведено только после разбора мотивов 11, 13, 14, 15, 17.

(7, 8, 9, 10) — Все это мотивы, описывающие появление Роланда у Карла. Исконность их не только доказывается общностью для всех разбираемых вариантов, но и сильно поддерживается рассказом поэмы *Renaus de Montauban*, стоящей по основной теме вне цикла Роланда. Здесь интересно обратить

¹ Болезнь героя в детстве — ходячий мотив, часто употребляемый для заполнения пробела (см. Илья Муромец, Марко Краевич).

внимание на передачу. В то время как варианты „enfances“, благодаря тому или иному соединению с БМ, распределяют указанные мотивы между различными моментами своего повествования, чуждый цикл, не подверженный влиянию других сказаний о Роланде, сохранил целостную картину.¹

1. Вот паж (valet) сошел с коня у крыльца;
С ним 30 юношей изящной внешности:
Ни у одного нет ни усов, ни бороды
на подбородке;
Каждый из них одет в шелковые ткани
и пурпурный плащ.
5. Паж носит горностаевую шубу,
Сапоги африканского покроя, золотые шпоры;
Стан его красив и строен; у него вид барона;
И взгляд его смелей, чем у леопарда или льва;
Он хорошо сложен и обладает прекрасною
внешностью.
10. Он прибыл ко дворцу, сходит с коня у крыльца;
Всходят по ступеням он и его товарищи
И останавливаются лишь тогда, когда они стоят
против Карла.
Он (паж) приветствует его именем Бога,
который претерпел страсти
И Карл тотчас ему отвечает:
15. „Так пусть сохранит тебя бог, который был
нашим искуплением.
Откуда ты, из какой земли, и как тебя зовут?“.

¹ К сожалению, за неимением текста Renaus de Montauban, пришлось воспользоваться модернизацией Л. Готье (Ер. fr. II, 67), которую мы и будем цитировать в дальнейшем вместо оригинала.

„Государь!“ отвечает паж, „я зовусь
Роландом,
Я рожден в Бретани у самого С.-Фагона.
Я сын вашей сестры и доброго анжерского
герцога, которого зовут Милоном“.

20. Когда император выслушал его, он поднял
голову,
Взял Роланда за рукав его горностаевой шубы
И четырежды поцеловал его в рот
и подбородок:
„Милый племянник“, сказал император, „мы
посвятим вас в рыцари.
Если когда либо вы и Реналд встретитесь

в поле.
25. Я буду вам благодарен, если вы убьете этого
негодяя“

В эту картину вполне умещаются все наши варианты.

(7) К I 37:

„... Leiddu hann thangat vel klaeddan i kyrtli,
var af kvithlutum göðhum, ok i skyrtu undir
af inum bezta lindúki, ok kordúnaskuar
maerdhir medh dyrinn úarga“.

(Привели его туда [ко двору], хорошо одетого,
в кафтане из хороших кусков материи, и под ним
рубашка из лучшего полотна и сапоги из кордуана,
отороченные дорогим мехом).

G. 485, 15:

„... de riches dras se pere“.

(Наряжается в богатые одежды).

В (Orl.) 314):

„E Rolandin non fo pais obliè
Soa vestitura si fo fata et ovré
Ad un quarter, q'elo fo destiné
Que quela enseigne porto en soa viveté“.

(И Роланд не был позабыт [когда все наряжались, чтобы итти к Карлу]; его одежда была сделана и сработана с изображением четырехпольного герба, так как ему было предназначено, чтобы он носил этот знак всю свою жизнь). Такого рода наряд Роланда встречается и в поэме „Aspremont“ (ed. Becker 28, 78): „... a son col prist un grant pel de qartier (sic)“.

Ren. de Mont. 5:

„Le valet porte une pelisse d'hermine, des
heuses d'Afrique, des éperons d'or“.

(8) K I 37:

„En 40 rikra manna sonu lét Karlamagnùs
konungr ganga medh honum til skemtanar
ok virdhingar“.

(И 40 сыновьям знатных людей король Карл Великий велел сопровождать его для забавы и почета).

G 485,16:

„Et mena avoec lui Henri, I sien compere,
Qui quens estoit de Mans et Guiot de Val-
clere

Et Pons de Rochefort et Hercembaut de
Fere.

(И взял он [мальчик Роланд] с собой Генриха, первого своего товарища, который был графом Манским и Гвидона из Валклера и Понса Рошфорского и Арчибальда Ферского).

В (Orl.) 15:

„Rolandin l'olde dire, qe estoit cun altri
enfant...“

В (Orl.) 17:

„En compagnie se leve cun plus de tran,
A la cost s'en vait tuti legri e çoian
Ma R. senpre andava avan,
Come el fust un soe capitan“.

(Услышал об этом (т. е. о приезде Карла) Роланд, который был с другими детьми... он собрался в путь в сопровождении более 30 (мальчиков); ко двору они идут (vait!!) все радостные и веселые; но Роландин всегда шел впереди, как будто он был их предводителем). Немного иначе R 60.

Ren. de Mont. 1:

„Voila qu'un valet est descendu au perron,
Avec lui sont 30 damoiseaux de très-gente
facon
Pas un seul n'a de moustache ni de barbe
au menton“.

Во всех памятниках цикла мы видим Роланда, окруженного свитой из смелых и беззаветно преданных ему молодых людей.

Например, Aspremont (ed. Becker) 28, 84.

„Du tref s'en issent tel quarente millier:
Tot sunt meschin et bachelier legier.
Ne faudront Karle por les menbres tren-
chier.
Et Rollandis tot tens il chief premier“.

(Из палатки вышло 4000 таких (воинов): все они малолетние подвижные мальчишки, не изменяют они Карлу, хоть бы им обрубili (все) члены; а Роландин всегда во главе).

Весьма возможно, что этот мотив послужил импульсом к тому, чтобы сгруппировать вокруг Роланда 12 пэров Карла Великого. Как бы то ни было, мы имеем здесь дело с неотъемлемой чертой цикла.

(9) K I 19:

„Karlamagnuss kysti hann ok vardh feginn“.

(Карл Великий поцеловал его и обрадовался [ему]).

G. 486, 24:

„Lors le prist par les mains, et fut amont
levez.

Et du roy doucement baisiez et acolez“.

(Тогда он взял его [Роланда] за руки, и был он Роланд] поднят кверху, и король нежно поцеловал и обнял его).

B (Orl.) 371:

„El ge basa la bocha, le viso e la fron“.

[Он поцеловал его в губы, в лицо и в лоб).

Ren. de Mont. 21:

Prit Roland par la manche de sa pelisse
d'hermine et quatre fois lui baisa la
bouche et le menton“.

Любовь Карла к Роланду — вот еще один мотив без коего цикл не может обойтись.

(10) K I 38:

„Milun hertugi gerir nu Rollant son sinn
riddara ok 40 riddara met honum“.

(И герцог Милон посвятил тогда сына своего в рыцари и [еще] 40 рыцарей вместе с ним).

В передает ту же сцену, перенося посвящение на Милона; однако, непосредственно после того как посвящен Милон, „всякий хвалил Роланда (говоря): это будет выдающийся рыцарь“: Можно говорить здесь о похищении Милоном мотива у Роланда, так как посвящение Роланда вместе со сверстниками поддержано Ren. de Mont. (23: „Beau neveu, dit l'Empereur, nous vous adouberons chevalier“, а также Aspremont (43, 72) и Mouskes 4490: „Dont fist Rollandin cevalier Carles od maint fils de princier“.

(После чего [Aspr. и Mousk. переносят сцену на другой момент биографии Роланда, после Аспремонтской битвы] Карл посвятил Роландина в рыцари вместе со многими сыновьями знатных людей).

Мы разобрали здесь этот мотив, хотя и относящийся ко II-й категории (G его не знает) в виду того, что он завершает сцену появления Роланда

у Карла и, как поддержанный рядом других памятников, вполне может быть возведен к Р.

(12) (14) (17). — Первый из этих мотивов принадлежит к I-й категории, но передача его такова, что основной вид его почти невозможно выяснить. К I 39 изображает дело так, что Роланд по пути к Карлу побеждает Bernard af Aversa¹, не зная о запрещении вступать в бой без особого приказа. G 480, 27 сл: Роланд встречается с охотниками Карла, которые охотятся в лесах, принадлежащих отцу Роланда; возникает спор, и Роланд избивает охотников палкой. R 62 рассказывает, что Роланд, направляясь ко двору, подрался с вором (briscone), у которого отнял добычу и роздал бедным.

Что из всего этого было в Р, сказать трудно: весьма возможно, что там было какое-нибудь неясное образование, которое и дало толчок к пестрому развитию. Что касается мотива (14), то и относительно его невозможно дать определенного ответа. Подвиг заключается в том, что Роланд избивает слуг Карла (G 481, 10: dui huissier molt felon, B (Orl) 32: li serventi, R 63: il portinario) во дворце. Три предположения здесь равно допустимы: а) (14) есть часть Р из которой вылился мотив (12),² б) (14) есть новообразование из (12), происшедшее

¹ Это имя не встречается в указателе Ланглюа.

² Это предположение может отчасти быть поддержано показанием „Aspermont“, где происходит избиение Роландом и его мальчиками привратника, не выпускающего их из замка, когда они спешат на помощь Карлу. См. Gautier Ep. fr. III p. 80 (Доступный нам текст Беккера не содержит этого места).

в какомнибудь общем источнике G и BR,¹ в) (14) существовал в P наряду с (12).

Не будучи сейчас в состоянии произвести скольконибудь обоснованный выбор мы предпочитаем предположить в P некую неизвестную величину—(?). Мотив же (17) есть несомненная мультипликация интересного мотива „мальчика, превосходящего взрослых силой и храбростью“, с характерным для романического развития усилением комического элемента. Это—специфический аугмент BR, вылившийся из (14).

(11) Принадлежность мотива (11) к I-й категории довольно сомнительна и может быть восстановлена только путем коньектуры.

К I:

„En at veizlu lidhinni badh Gilein konung at hann mundi leyfa at Rolland foeri medh theim i Brittanniam ok láta menn thar ná at kennast vidh hann. En han veitti henni thegar that er hón badh“.

(И за пиром попросила Гисла короля, чтобы он позволил Роланду поехать с ними в Бретань и дал бы тамошнему народу узнать его. И он тогда разрешил ей то, о чем она просила.)

Ясно, что здесь Роланд понимается, как наследник герцогства. BG 480, 3: сестра Карла с Роландом живет в Vanes assez prez de Bretagne. Так как G начинается рассказ со смерти Милона, то Роланд является уже властителем отцовской земли.

¹ Такой источник признается Дамманном (ук. соч. 36 — 9) что вполне мыслимо.

„Carlo tornato da Roma e rimenata Berta
e tornato Orlandino, lo fece Conte
d'Anglante“.

(Карл, возвратившись из Рима, приведя обратно Берту и вернув Роланда, делает его графом Айглантским).

Айглантское же графство (или герцогство) есть удел отца Роланда. Воспоминание о Бретани естественно утерялось в BR, переносящем все действие в Италию. Но французские источники удерживают связь Роланда с Бретанью.

Ren. de Mont. 18:

„Je suis né en Bretagne tout droit á Saint-Fagon“.

У Турпина (XI стр. 17) Роланд назван Манским графом (*comes cenomannensis*) т. е. тоже *assez prez de Bretagne* (см. ниже.) За то же говорит версия „Aquin“ (см. выше § 2.) Поэтому, если даже мотив (11) принадлежит ко II-й категории, мы, все же, с полным правом можем виндигировать его для Р.

(3) — К, менее всего подверженная влиянию БМ, называет сестру Карла Гислой. G тоже знает только это имя, но употребляет его только в 1-й части (эпизод *Mainet*), в интересующем же нас эпизоде мать Роланда никак не названа. Дамманн (ук. соч. 43) правильно замечает, что G, видя в своих источниках то Берту, то Гислу, предпочел вовсе опустить имя. В BR — только БERTA. Как бы то ни было, выбор не представляет затруднения. БЕРТА

есть достояние БМ. К знает БМ и все же сохраняет Гислу в составе сказания о „рождении и детстве Роланда“. Получить он мог ее только из субстрата, к которому присоединился сюжет БМ, т. е. из Р, так как знания Ейнхарда Карламагнуса не обнаруживает. Итак, мы имеем достаточно оснований, чтобы поместить в Р реальное имя сестры Карла, Гисла, вместо вымышленного (Берта).

(4) — Мотив III-й категории, „рождение Роланда от Карла“, встречается только в К. Вместе с тем, он представляет наряду с (2) краеугольный камень нашей гипотезы. Доказательство его принадлежности к исконному варианту и создала бы ту правдоподобность эпической исконности, которой мы добиваемся.

Наши варианты дают нам только двух отцов Роланда: Милона и Карла. Но Милон есть исконное достояние БМ: он — муж дочери Карла, отец ее детей (или сына). Но кто же тогда отец сына, рожденного от сестры Карла (мотив 2), которая искони не принадлежит к БМ? У нас нет выбора: это может быть только Карл (всякое другое предположение было бы произволом). Итак, если (2) есть часть Р, то и (4) тоже входит в Р. Но (2) есть мотив I-й категории, который безусловно входит в Р. Следовательно: если искони Роланд является сыном не дочери (чего нет ни в одном памятнике), а сестры Карла (что мы видим везде) т. е. если сказание Р вообще когда либо существовало отдельно от БМ, то в этом сказании Роланд был сыном Карла и его сестры, Гислы.

(13) — Роланд во 2-й раз является к Карлу с целью принять участие в походе. Это опять таки идиотизм К, по сравнению с G и BR. Но, с другой стороны, версию К поддерживают Ren. de Mont., (где Роланд является к Карлу перед походом против Реналда. — 24: „Si vous êtes jamais, vous et Renaud en champs clos, je vous saurai gré d'occire le glouton“), и Aspremont, где Роланд с мальчиками присоединяется к войску во время борьбы с Еаумонтом. Это, конечно, само по себе, было бы недостаточным аргументом (R. de Mont. и Aspr. могли заимствовать из источника К), если бы не были так ясны причины, по коим G и BR не могли сохранить этого мотива. И тот, и другой вариант меняют порядок повествования, благодаря специфическим нововведениям.

И в том, и в другом варианте не Роланд движется к Карлу, а Карл к Роланду. В G Карл едет к сестре, чтобы известить о смерти Милона, погибшего во Фландрии. Этот мотив характерен для северо-восточной версии,¹ так как, кроме G он встречается только в Roman van Korel den Grooten en zijne XII pairs (ed. Jonckbloet — ст. 1665). Национальный элемент чувствуется также в перенесении смерти Милона во Фландрию, местность по близости от которой Жиранд из Амьена (Пикардия) слышал обработанные им песни. Благодаря этому Роланд является тоже в лагерь Карла, который

¹ Сказания о Роланде, записанные в северо-восточной Франции и Голландии являют ряд особенностей, заставляющих предполагать особую локальную традицию.

„велел разбить свои палатки и разместить людей“ (G 480,7: „avait fet ses très tendre et sa gent osteler“), но который находится не на „военном“ походе.

В и R применяют тот же прием национальной обработки, перенося все действие в Италию (см. ниже), так как им хочется заставить Роланда родиться и вырасти в их родной стране. Поэтому, чтобы встретиться с Роландом Карл должен ехать в Италию. Автор BR, для достижения этой цели скомпоновал наш сюжет с рассказом о помощи, оказанной Карлом папе Льву III (799 г.) и о коронации в Риме (800 г.). Карл во всем блеске только что добытого царского венца возвращается во Францию и по дороге останавливается в Сотрио, где живет Роланд. Опять Карл на походе, только на обратном, и в этом вся разница. Поэтому, несмотря на разногласие памятников, мы можем признать мотив (13) исконным, а самые разногласия плодами сепаратного развития.

Интересно, что все памятники, передающие этот мотив, говорят о разных походах: К — о войне с Жирардом Вианским, R. de Mont. — о борьбе с Реналдом Монталбанским, Aspremont — о нашествии Еаумонта, В — об усмирении врагов папы; в G после встречи Карла с Роландом немедленно повествуется об усмирении (бескровном) врагов Гислы (15), а затем о походе Карла в Эскавонию (т. е. против сербов в 789 г.). Что бы это могло означать? Ясно, что все (или все, кроме одного) памятники вытесняли исконную версию для приспособления рассказа к своей основной

теме. В чем заключалась эта исконная версия, об этом мы поговорим в следующем параграфе этой главы.

Отведя мотивам (11) и (13) место в составе Р, мы, тем самым, выяснили содержание мотива (6), т. е. результаты обоих исконных поездок Роланда к Карлу: в 1-й раз он получает назначение в Бретань, во 2-й раз отправляется с Карлом на войну.

(15) — Кроме того, из разбора (13), легко объясняется мотив (15), составляющий идиотизм С. Так как это не искомый основной мотив (см. ниже), то, следовательно, это новообразование, возникшее с целью приспособить „поход“ к месту основного действия.

(16) — О мотиве (16) мы уже говорили, указывая на его национальное происхождение. Но в нем есть еще другая сторона, конечно, не менее поздняя, романическая. Романическое развитие, усиливая эротический элемент, заставило притянуть ходячий мотив о „двух любящих, спасающихся от родительского гнева“. Это — специфический аугмент ВР.

(18) — За счет того же романического развития следует отнести усиление экзотического элемента, выражающееся в притяжении рассказов о „приключениях в стране мавров“. Подобные вставки нередки в нашем цикле, особенно в Италии (Mainet, Entrée) с XIII века. Относительно такого рассказа Николай Падуанский (Entrée) прямо говорит: „en suis estez hautor. „При составлении Reali мог найтись такой же hautor, который сочинил по образцу других аналогичных эпизодов (сл. Spagna, Viaggio), „приключения Милона в Африке“.

Из только что произведенного разбора мотивов мы можем вывести формулу минимального содержания исконного сюжета „Enfances Roland“.

$P = 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, ? (= 12, 14)$.

Но так как „смерть при Ронсевале“ есть несомненно один из исконных мотивов, то нельзя оценивать эпическую правдоподобность P вне связи с P_c .

С точки зрения этой правдоподобности все перечисленные мотивы делятся на две группы.

$I = 1, 2, 3, 4, 6, 11, ?, 13$. P_c . „Роланд — сын Гислы, сестры Карла Великого, и, может быть, самого Карла (так как предположение другого исконного отца было бы не достаточно обосновано); он получает назначение в верхнюю Бретань; он отправляется с Карлом в поход; он умирает при Ронсевале“.

Эти мотивы составляют индивидуальное ядро сказания. Могло ли это ядро положить начало мощному развитию? На этот вопрос мы с уверенностью можем ответить: „Да!“.

Королевичем гораздо меньшего государства был Сигерик, сын Сигмунда, и он тоже был замечателен только тем, что был убит в молодых годах, еще не успев прославиться. Однако, к его личности притянулись сказания о герое-змееборце, о герое-свите и десятки других мотивов; так вырос цикл Нибелунгов. Можно еще привести бесчисленные сказания о гибели молодого бога.¹

¹ Сказание о Скопине — Шуйском недостаточно хорошая параллель, так как юный князь уже успел зарекомендовать себя подвигом. Впрочем, и у нас есть в запасе загадочный мотив 12 — 14 (?).

Одного высокого происхождения погибшего отрока было достаточно чтобы сказание развилось в средние века, в каком бы веке оно ни возникло. А тут еще вдобавок это происхождение было обставлено, по меньшей мере, таинственностью, если не открытым скандалом. Таким образом, с точки зрения эволюции эпоса правдоподобность эпической исконности „ядра“ не встречает затруднений.

II = 5, 7, 8, 9, 10.¹ Роланд 7 лет воспитывается вдали от Карла; появляется он при дворе в удивительном платье, окруженный свитой из юношей; Карл встречает его поцелуем и посвящает его в рыцари.

Это, так сказать, аксессуары, которые вместе и порознь встречаются и в других циклах (например в сказ. о Тристане.) Но сказать, что цикл Роланда откуда нибудь их заимствовал, тоже нельзя. С литературно-теоретической точки зрения они могли возникнуть вместе с ядром или присоединиться к нему в любой момент его существования, но, во всяком случае, раньше, чем традиция разделилась на дошедшие до нас варианты, так как все мотивы разбираемой группы в них представлены. Возможная древность этих мотивов зависит только от древности быта, который они отражают. Мы в праве, конечно, поставить вопрос: могли ли эти аксессуары входить в первоначальный рассказ VIII—IX века?

¹ Что касается мотива 6 (Роланд дважды появляется при дворе Карла), то, содержание обоих визитов, определяется мотивами из „ядра“, а именно 11 и 13. Это, как будто, говорит за исконную целостность сюжета, по крайней мере, в составе: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 11, 13, Рс.

Но ответ на этот вопрос уже не входит в задачи настоящей главы и относится к установлению исторической правдоподобности.

2. Историческая правдоподобность

„Роланд рождается от преступной любви Карла и Гислы. Его отдают на воспитание. Через 7 лет король требует его к себе, принимает его ласково и дает назначение в Верхнюю Бретань (Vannes? Le Mans?). Но вскоре Роланд опять появляется при дворе, чтобы сопровождать Карла на войну. Он поражает всех пышностью и своеобразием своей одежды. Карл рад его видеть, окруженного свитой ровесников, и посвящает его в рыцари. Отец и сын выступают в поход“.¹

Вот все, что говорят нам певцы и сказители. Но мы больше от них и не требуем. Мы начинаем новые поиски в новой области. С изменением материала самый характер нашей работы подвергнется несколько неожиданной перемене. При переходе от поэтических вымыслов к „точным“ данным истории наше исследование станет гораздо менее точным. Мы должны отдать себе в этом ясный отчет: если прежде, вращаясь в кругу реальных литературных явлений, мы пытались установить факты, то теперь мы будем только выяснять возможности. Дело в том, что исторический материал, будучи почти таким же противоречивым, как эпический, гораздо

¹ Мы опускаем, (?) лежащий в основе мотивов (12) и (14).

беднее его и отрывочнее. Если бы прошлое состояло только из фактов, засвидетельствованных историей, то непонятно было бы, откуда взялась наша действительность в ее пестром многообразии. Но наша цель совсем не в том, чтобы дополнить историю фактами эпоса. Мы хотим только поставить мотивы нашего сказания в рамку исторической эпохи и посмотреть, уместится ли оно в ней. Мы заставим говорить старые хроники и каролингских поэтов и посмотрим, зазвучит ли их рассказ в унисон с поэтическим преданием. И если под эту симфонию задвигаются, вместо литературных типов, тени живых людей далекого прошлого, тогда мы будем знать, почему вокруг них сталкивались симпатии, шипела сплетня, возникали анекдоты и рассказы, слагались песни, словом, пробивались те ручьи, из которых разлился по земле широкий поток Роландова цикла.

Мотивы (Р) (1, 2, 3, 4).

Родители Роланда.

Итак, Роланд — сын Гислы (или Гисланы), дочери Пиппина Короткого и Бертрады. О событиях жизни ее мало известно. Самый год рождения ее нельзя установить точно. Правда, *Ann. Petavienses* под 757 г. (*MGH. SSI, II*) помещают: „*In eodem anno moritur Sperhanus papa; et nativitas Gislanae*“. Но как совместить это с показанием *Annales Besuenses* (*MGH. SSII, 248*)? *Ann. Bes., a. 753*: „*Benedictus est Pippinus rex a sancto Stephano papa Parisius, et*

filii eius Karolus et Karlomannus et filia Gisila“.
(Был благословлен святым папою Стефаном в Париже король Пиппин, сыновья его, Карл и Карлман, и дочь Гисла). Конечно, трудно отдать безусловное предпочтение той или другой версии, но показание *Ann. Petav*, вызывает некоторое недоверие по следующим соображениям. Во 1-х, анналы той же семьи (*Ann. S. Amandi, Annales Leubacenses*) не помещают под 757 г. сведения о рождении Гислы; во 2-х, те же *Ann. Petavienses* показывают рождение Карла Великого в 747 г., в то время, как достоверно известно, что он родился в 742 г. Поэтому, возможно, что в годе рождения Гислы они допустили ту же ошибку и, что она родилась в 752 или 753 и в это последнем году могла быть подведена под благословение папы Стефана. С детских, отроческих или даже юношеских лет ¹ „*a puellaribus annis*“. Гисла, согласно показания Ейнхарда (см. выше I), была пострижена в Шелльском ² монастыре, где впоследствии сделалась аббатиссой. Год пострижения, к сожалению, покрыт мраком неизвестности. Около 798 г. она построила в своем монастыре церковь во славу божьей матери (MGH. Epist. IV 249). Умерла Гисла незадолго до 814 г. (Ейнх. см. выше.)

¹ Алкуин (PL I 246) называет *pueri* сыновей Карла, из которых старшему, Карлу, было тогда (в 796 г.) 24 — 25 лет, а младшему (Дрогог тогда еще не родился), Людовику, 18 лет. Ангилберт (Ecloga 48) называет *puella* Берту, мать двоих детей. К тому же, тот факт, что Гисла, как говорит Ейнхард, была *conversationi mancipata*, а не *oblata*, запрещает думать о слишком ранних годах.

² *Celensis monasterium* (Chelles) под Парижем

Затворничество Гислы не явилось полным отречением от мира. Аббатисса часто бывает при дворе, встречаясь там с учеными и поэтами, которые воспевают ее красоту и святость. „Прекрасной невестой высшего бога“ называет ее Ангилберт (PL, I, 360) 155: „*Gisla egregii sponsa praepulchra tonantis*“), который уделяет ей место в своем панегирике Карлу.

(PL. I, 361) II, 38:

Tu quoque, sacra deo virgo soror inclita
David.

Carmine perpetuo nostro iam, Gisla, valet.
Te, scio, sponsus amat, caelorum
gloriae Christus.

Nam cui tu soli semper tua membra
dicasti“.

(И ты также здравствуй во веки в песне нашей, посвященная богу дева, славная сестра Давида [академическое имя Карла]. Тебя, знаю я, любит жених, слава небес, Христос, ибо ему одному ты навсегда предала свое тело).

Как видим, уже сорока с лишним лет (Ангилб. писал в 796 г.) Гисла была еще хороша собой, так что Мускет не даром говорил, что она „*biele estoit*“, когда постригалась в монастырь (см. выше I). Жаль, что наши источники не начали говорить раньше, когда еще жив был Роланд, т. е. до 778 г. К сожалению, упоминания о Гисле начинаются только по возвращении Алкуина из Англии (793), когда при дворе снова закипела живая литературно-научная работа, в разгар деятельности Академии.

В этой работе Гисла, повидимому, принимает живое участие. Под ее руководством подчиненные ей монахини занимались перепиской рукописей. В 801 г. Алкуин просит ее (Ер. N 214), „чтобы она приказала, если найдет достойным, переписать ту часть его комментария, которую он прислал „et capitula singulis periochis cum numero adnotare“. Гисла снабжена даже особым академическим именем, Луция.¹ Алкуин пишет (PL I, 237):

XII, 3:

„Lucia, uiue deo felix, clarissima virgo“.

Связанная с Алкуином тесной дружбой², покоящейся на общих научных интересах, она ведет с ним постоянную переписку, главным образом, на моральные темы.³

Alc. (PL I 252) XLI:

„Tu mihi dulcis amor, semper, soror inclita,
salve.

In precibus fratris sis memor ipsa tui.

Delicias saeculi, pompas, gazasque caducas.

Mente, manu, lingua spernere disce tua.

Sit tibi Christus amor, virtus, laus, omnia
Christus.

Permanet... et semper in ore sonet“.

¹ См. Alc. Ep. N 214: „Dilectissimis in Christo personis Luciae et Columbae etc“. (MGH. Ep. IV, 357).

² Alc. Ep. N 15: „ex eo die, quo pactum caritatis tecum inivi, dulcedine dilectionis tuae per singula pene momenta pascebar“.

³ См. Alc. Ep. NN 15, 32, 84, 154, 195, 196, 213, 214, 216, 228.

(Ты, сладостная дружба моя, славная сестра, здравствуй вовеки; помяни своего брата в молитвах. Мыслью, рукой, языком учись презирать мирские улады, почести и непрочные сокровища. Пусть будет тебе Христос любовью, добродетелью, славой. Всем (этим) пусть останется для тебя Христос и пусть (имя его) всегда звучит в твоих устах).

Мы привели эти строки в качестве примера того тона, в котором составлены все обращения к Гисле: везде упоминается о ее монашестве, о ее преданности небесному жениху.¹ Все помыслы ее направлены к нравственному совершенствованию. В 800 г. она пишет, вместе с племянницей, Ротрудой, письмо к Алкуину в изысканном стиле того времени, пестрящее библейскими цитатами, полное комплиментов по адресу своего корреспондента и величественного смирения, в котором она просит переслать им предпринятый Алкуином по их просьбе комментарий к Евангелию от Иоанна.²

Насколько можно судить по письмам, обращенным Алкуином к ней и Ротруде по этому предмету (Ер. Alc. №№ 195, 213, 214), их более всего интересует *expositio moralis*. Таким образом, Гисла рисуется нам в виде красивой, ученой и благочестивой дамы, „*egregia moribus et facie, lactea conspectu, plus probitate micans*“, т. е. в виде идеала, воспетого целым рядом поэтов VIII и IX вв., так что певцы только

¹ См. Ер. Alc. N 15 (MGH. Ep. IV, 41): „Cuius viri sponsa esse coepisti, semper rememora“.

² MGH. Ep. IV, 324: „Collige multorum margaritas in spiritalis thesauri cubile et pasce ex eo pauperes Christi. Noli nos ieiunas dimittere ne deficiamus in via“.

сохраняли традицию выводя образ „Gilain l'eschevie, Gille la duchoise au gent cors onoré“ (Gui de Bourgogne 4045, 2921).

Как сказано, Гисла бывает при дворе и интересуется придворными делами.¹ Отношения у нее с Карлом, повидимому, самые теплые и дружественные. В 799 году Карл через нее передает письма Алкуину (Ер. Alc. № 179). Он посещает сестру в монастыре и находит удовольствие в беседе с нею. Ann. Lauriss. a 804: „... ad colloquium germanae suae Gislæ, quae in his diebus aegrotabat, ad Calam monasterium pervenit. Fruitus eius colloquio ad Carisiacum uillam Leonem papam... sibi obviam venire fecit“. ([Карл] прибыл в Шелльский монастырь для беседы с сестрой своей Гислой, которая в то время прихварывала. Насладившись беседой с нею, он вызвал папу Льва к себе навстречу в Кьерси). Между нею и Карлом была переписка, к которой та относилась очень внимательно. В 793 г. Алкуин пишет ей: „Если от короля придет к тебе посланник и (какое либо) указание, разве ты сейчас же бросив другие заботы, быстро и со всяческим тщанием не принимаешь и не читаешь его письма и не стараешься исполнить (то, что в нем указано)?“²

¹ В письме № 84, например, Алкуин сообщает ей: „Prospera donante Deo his sanctissimis diebus habuimus solemnia, et laetus fuit dominus rex et omne palatium in gaudio“.

² Ер. № 15 p. 41: „Quid si a rege legatus et indiculus ad te veniet, numquid non mox aliis curis postpositis prompts et cum omni devotione eius litteras accipis et legis et implere satages? Ecce de caelo rex regum, immo et sponsus tuus, per prophetas, apostolos et doctores tibi, o virgo, dignatus est dirigere

Но яснее всего добрые отношения между братом и сестрой явствуют из несколько своеобразных стихов Теодульфа (PL. I, 486):

XXV, 109:

„Quod si forte soror fuerit sanctissima regis,
Oscula det fratri dulcia, frater ei.
Talia sic placido moderetur gaudia vultu,
Ut sponsi aeterni gaudia mente gerat
Et bene scripturae pandi sibi compita poscat.
Rex illam doceat, quem deus ipse docet“.

(Если же там [при встрече Карла] случайно была бы святейшая сестра короля, она сладко поцеловала бы брата, а брат ее. Но она умерила бы на спокойном лице выражение такой радости, чтобы держать в уме радости [исходящие от] вечного жениха. И король, которого наставляет сам господь, наставил бы ее, как добиваться того, чтобы ей ясно открылись извилины Священного Писания).

Здесь особенно ясно выступает эта всеобщая манера обращаться к Гисле, во-первых, с поучением, а, во-вторых, с напоминанием о небесном женихе, веления коего противоплагаются придворным развлечениям,¹ а сам он — Карлу. Постараемся объяс-

litteras suas“. Здесь Карл не то противопоставляется царю царей и жениху Гислы, как земное начало небесному, не то ставится рядом с небесным женихом, как его земной символ.

¹ Ер. № 15: „Inclitus valde et gloriosus est sponsus tuus, qui alium ornatum in te non querit, nisi spiritalem; non tortas crinium alligationes, sed rectos morum bonorum conligationes, nec vestimentorum vanum exterius nitorem, sed castimoniae nobilem interius splendorem“

нить психологическую подоплеку этих обращений держась возможно ближе к текстам. Что касается поучений, то странно было бы предположить, чтобы академики вздумали самочинно читать нотации сестре короля.¹ Напротив, из письма Гислы (Ер. IV, 323) ясно видно, что она сама обращалась за такими наставлениями, может быть, не только к Алкуину. Снедаемая „*cotidiana tristitia pravitatis nostrae*“, она „*cotidiana se exercet meditatione*“, в моральных толкованиях Писания и советах мудрейших людей своего времени она ищет утешения, „*purificationem animae*“ и, главным образом, поддержки, так как постоянно боится „*deficere in via*“. И ученые царедворцы, привыкшие „*nobilium nullatenus spernere feminarum preces*“, в изобилии несут ей то, что составляет ее единственный дозволенный интерес. Центром поучений является небесный жених, которому она отдала свою красоту и молодость (сл. в стихах Ангилберта). Сама собой напрашивается мысль, что это и было центром ее страданий, что Гисла умная и прекрасная, с трудом переносила невольное² отречение от мирских наслаждений и искала в душе своей силы, чтобы достойно нести свой крест. Но небесному жениху противопоставляется Карл (см. также выше Ер. № 15). Если бы Карл, царь земной, являлся бы символом господя, как царя небесного, то это никого бы не удивило: мы имели бы дело

¹ Сл. такие выражения, как (15): „*nec stilum meum praesumptiosum putes... haec scripsi non ignorantem instruens, sed caritatis officium implens*“.

² По Ейнхарду, Гисла была „*religiosae conversationi mancipata*“ не „*conversa*“.

с ходячим образом, опирающимся на идею „царствия божия на земле“, т. е. на лейтмотив всей имперской политики. Но почему Карл ставится рядом с женихом и даже противопоставляется ему, как мирское начало небесному? Мы или должны признать, что здесь традиционный символ доведен до абсурда, и тем возвести, может быть, незаслуженное обвинение на такого тонкого поэта, как Теодульф, или искать другого решения. В самом деле, зачем сестре, хотя бы и монахине, скрывать на лице радость при встрече с царственным братом, и в каком смысле эта радость может противоречить ее преданности небесному жениху? Фактически такое противоположение является обычным элементом поэтического языка каролингских поэтов, с тем, однако, признаком, что противопоставляемое небесному жениху лицо всегда является земным супругом. Так у того же Теодульфа (что очень важно!) в „эпитафии королевы Фастрады“, так и у Седулия в „Послании к Берте“, дочери императора Лотаря.

Theod. (PL. I, 483), 3:

„Nobilis ipsa uiri thalamo coniuncta potentis
Sed modo coelesti nobilior thalamo“.

Sed. (PL. III, 229), 17:

„Terrestrem sponsum rapuit mors inuida
uestrum,
Pro quo caelestis sponsus amoenus adest“.

(Теод.: Славна она [была], разделяя ложе властителя мужа [Карла Великого], но теперь еще славнее [разделяя] небесное ложе).

(Сед.: Земного супруга вашего похитила завистливая смерть; вместо него перед вами — сладостный небесный супруг [или жених]).

Нам могут заметить, что если бы в стихотворении Теодульфа заключался намек на отношения Карла к сестре, аналогичные его отношениям к Фастраде, то такой намек был бы, по меньшей мере, бестактным и, стало быть, немыслимым в придворном стихотворении, обращенном к самому Карлу. На это мы ответим, что понятие „такта“ меняется в веках и, что в частности, при дворе Карла Великого оно существенно отличалось от теперешнего. Для примера приведем „Послание к Императору“ Ирландского Изгнанника, являющееся ничем иным, как „captatio benevolentiae“, и рассчитанное на то, чтобы понравиться Карлу.

Hibernicus Exul (PL. I, 400), 17:

„Regalibus puellis, dic, fiat sublimitas,
Sit sancta, sit sobria, sit uera uirginitas.
Gristus amat uirgines propter castimoniam“.

(Скажи: в царственных девах да будет божественность, будь святая, скромная, истинная девственность. Христос любит девственниц за их беспорочие). Для нас, знающих о поведении дочерей Карла Великого далеко еще не все, что знали современники, этот намек на „истинную девственность“ является наглым издевательством; Изгнанник же несомненно знал, что Карл и двор будут об этом другого мнения, ибо не стал бы рисковать головой из за удовольствия поиронизировать. Итак, Теодульф, не боясь обидеть двор, мог применять такие

обороты, которые с современной точки зрения представляются бестактными.

Не делая из приведенных сопоставлений никаких категорических выводов, мы, все же, можем заключить следующее: стихотворение Теодульфа в связи с другими показаниями современников делает вероятным, что отречение Гислы от мира было, главным образом, отречением от Карла. Существование близких отношений между братом и сестрой на основании биографических данных о Гисле и отношения к ней современников не только не исключается, но и становится весьма правдоподобным.

Для ясности резюмируем все цитированные показания и получим следующую приблизительную картину отношений. Главной утратой Гислы при посвящении ее небесному жениху был Карл, была жизнь подле него при дворе. Теперь же ей оставалась только возможность с жадностью набрасываться на его письма, во время редких поездок ко двору встречать его горячим поцелуем, наслаждаться беседой с ним, когда иной раз ему приходилось навещать ее в монастыре. Привязанность Гислы к брату несомненно пользовалась взаимностью: Ейнхард, который знал Гислу, когда ей было от 40 до 50 слишком лет (от 794 до са. 810 г.), утверждает, что Карл ее „*magna pietate colebat*“.

Видели ли современники в этой привязанности элемент преступной любви, как хочет народное сказание? Из наших памятников это прямо не вытекает: мы можем только заключить, что современники считали это чувство противоречащим монашескому обету и что, при вполне определенной репу-

тации Карла, это сильное и взаимное расположение могло стать достоянием придворной сплетни. Итак, если не относиться к эпосу с преувеличенным недоверием, то, следует признать, что показания его не лишены правдоподобности.

Но поэтическое сказание не удовлетворяется предположением необоснованной сплетни: оно требует, чтобы у Гислы родился сын; от Карла или от кого либо другого, но сын должен быть. Мыслимо ли это? И подходит ли к условиям эпохи, чтобы совершив такое тяжелое преступление против нравственности, Гисла попала в монастырь? На последний вопрос мы должны ответить утвердительно. Если мы вспомним, что дочь Карла, Ротруда, была заключена в тот же Шелльский монастырь¹ после рождения ею от графа Рорикона незаконного сына (аббата Людовика), и что с тех пор тетка и племянница живут общими интересами (переписка их с Алкуином становится совместной), тогда мы сумеем поверить, что Гисла могла разделить судьбу своей кузины Теодрады „*quae iam reddito fructu nuptiarum secundum castimoniae gradum arripuerat*“. Если Гисла, действительно была, „*religiosae conversationi mancipata*“, а не „*conversa*“ или „*oblata*“, т. е. пострижена против воли в юношеских годах, то наше предположение вполне правдоподобно, тем более, что какая либо политическая причина пострижения в данных условиях абсолютно немыслима, а всякая другая причина

¹ Туда же была помещена в 741 г. konkубина Карла Мартелла, Сонхилда (Ann. Mettenses SS. I. 327).

будет гораздо менее поддержана аналогиями чем выдвигаемая нами.¹

Раз со стороны биографии Гислы не является прямых противоречий против показаний R, то можно приняться за помещение рассказа о „рождении Роланда“ в хронологические рамки эпохи. Определению „*termini a quo*“ несколько мешает невыясненность даты рождения Гислы. Если Гисла, что менее вероятно, родилась в 757 г., то рождение Роланда физически немыслимо раньше 769 г. Если же следовать Ann. Besuenses и считать, что Гисла родилась в 752 г. или 753 г., то физическая граница отодвинется приблизительно к 765 г.

Семейная история Карла указывает на период от 768 до 771 г.,² (в каком году Карл женился

¹ Пострижения лиц из царствующей фамилии в каролингскую эпоху очень часты, но добровольных почти нет. Большая часть носит характер насилия на политической почве: почти все, за редкими исключениями (Драгон, Хуг) являются наказанием за политические или иные преступления (Сонхилда, Пиппин Горбатый, Адалхард, императрица Юдифь и друг.).

² Dümmler PL. I, 58 n. 7 комментирует следующие стихи Павла Диакона:

XXII, 21:

„Alter ab undecimo iam te suscepit annus.

Cum vos mellifluus consotivavit amor.

Alter ab undecimo rursus te sustulit annus“.

и цитирует дарственную Карла церкви св. Арнульфа (Sickel, Acta Karoli. Karol. 60), где Карл делает пожертвование за упокой души Хилдегарды, которая „obiit in anno duodecimo coniunctionis nostrae“. Несмотря на это, Dümmler считает, что Хилдегарда умерла на 13-ом (alter ab undecimo) году замужества и устанавливает дату рождения ее — 757 г. и дату замужества —

на горячо любимой королеве Хилдегарде [*dulcissima coniunx nostra*], как на время наиболее благоприятное для совершения разбираемых нами событий. Как раз в это время Карл „неизвестно по какой причине“ (Einh, V. С. XVIII) „*incertum qua de causa*“ отверг свою супругу Десидерату и возмущал благочестивых людей своим безнравственным поведением. Vita Adalhardi (SS. II, 525) VII: Unde factum est, cum idem imperator Carolus Desideratam, Desiderii regis Italiae filiam, repudiavit... ut nullo negotio... persuaderi posset (sc. Adalhardus), dum esset adhuc tiro palatii, ut ei, ¹ quam vivente illa rex acceperat, aliquo communicaret servitutis obsequio, sed culpabat

770 г. Нам же представляется, что традиционная грамота более точный памятник, чем поэтическая эпитафия и, что для согласования их лучше переводить „alter ab undecimo“ „следующий за 11-м, т. е. 12-й“, чем насилловать текст делового документа. Тогда дата рождения Хильдегарды определится, как 759 г., дата замужества — как 771 г.

¹ Относятся ли эти слова к Химилтруде? Это вероятно, если она, действительно, была конкубиной, как хотят Ann. Lauresham. (SS. I, 35), Ann. Laurissens. minores (SS. I, 119), Vita Hludow (SS. II, 610), Einh. V. С. (SS. II, 454), Monach. SG (SS. II, 755) и Pauli Diac. Gesta epp. Mettensium (SS. II, 265): *Habuit tamen ante legale connubium, ex Himiltrude nobili puella filium nomine Pippinum*“. Если же, по показанию папы Стефана III-го (ep. 45 Cod. Carol. cit. Pertz SS. II, 454 n. 40) она была законной женой, то „*inlicitus torus*“ не может относиться к венчанной королеве. Кроме того, как понимать слова Павла Диакона „*ante legale connubium*“: до Десидераты или до Хилдегарды? Павел Диакон, хоть и не упоминает в этом месте о Десидерате, но не мог же он, старый царедворец ее отца, не знать о существовании и печальной судьбе ее. Если это так, то связь с Химилтрудой надо отнести за 768 г., т. е. в период до брака с Десидератой.

modis omnibus tale connubium et gemebat puer beatae indolis, quod... rex inlicito uteretur thoro, propria sine aliquo crimine repulsa uxore. Quo nimio zelo succensus elegit, plus saeculum relinquere adhuc puer, quam talibus admisceri negotiis“.

(Благодаря чему случилось, что, когда означенный император Карл отверг Десидерату, дочь короля Италии Десидерия, [Адалхарда] никакими средствами нельзя было убедить, чтобы он, будучи в то время придворным отроком, оказывал какое либо послушание той, которую король взял себе при жизни оной (Десидераты), но всячески осуждал такое сожителство и сокрушался блаженной души юноша о том, что король всходил на запретное ложе, отвергнув собственную жену безо всякой ее вины. В силу чего, возгоревшись сильным рвением, он предпочел, еще будучи юношей, отречься от мира, чем быть замешанным в подобные дела).

Рождение Роланда в период от 771 до 778 г. (год смерти Роланда) менее вероятно, как по причине большой молодости Роланда при участии в испанском походе, так и в виду искренней привязанности Карла к Хилдегарде, от которой дети рождаются почти ежегодно.

Итак мотивы Р (1, 2, 3, 4) могли бы уложиться в следующие исторические рамки: „После смерти отца в 768 году Карл отвергает нелюбимую жену, Десидерату, навязанную ему матерью (Einh. V. C. XVIII: „matris hortatu filiam Desiderii... duxit uxorem“), и дает волю своему юношескому темпераменту. Он сходится с 12-ти или 16-тилетней сестрой своей Гислой. В период от 769 до 771 г. у них

рождается сын, Роланд. Для прикрытия скандала так же, как впоследствии при случае с Ротрудой, Гислу постригают в монахини, а Карл женится на Хилдегарде. „Если же Гисла родилась в 753-году и связь с Карлом имела место еще при жизни Пиппина в период от 765 до 768 г., то картина несколько упрощается: „Роланд рождается в 766 или 767 г.; Гислу заключают в монастырь, а Карла женят на Десидерате,, которую он отвергает, едва выйдя из под власти отца“.

Мотивы Р (5, 6, 11, 13).

Главные события в жизни Роланда

Итак, Роланд, если он был сыном Гислы, прожил на свете не менее 8-ми (770—778) и не более 12-ти (766—778) лет. Сказание (5) хочет, чтобы он воспитывался вдали от Карла в течение первых годов своей жизни. А priori это вероятно относительно сына, родившегося от такой связи, которую вряд ли необходимо было афишировать, и станет еще вероятнее, если мы вспомним, что даже вполне законный сын Карла от Хилдегарды, Людовик был трех лет, еще в люльке (*cupali gestamine*), отправлен в Аквитанию, где пробыл до семилетнего возраста (см. ниже), ни разу не видев отца (*Vita Hlud. IV. SS. I, 609, Enh. Ann. SS. I, 161*).

Как долго пробыл в этом удалении от двора исторический Роланд мы не знаем, но должны предполагать, что с Карлом он виделся, по крайней мере, 2 раза (мотив 6): а) когда получил назначение

в Бретань в качестве „*praefecti limitis*“ (мотив 11) и б) *когда принял участие в Испанском походе 778 г., где безвременно погиб. Мы подчеркиваем, что этот минимум должен быть принят безотносительно к существованию сказания о Роланде.

(11) — Самый естественный вопрос, вытекающий из только что установленной хронологии, формулируется так: мог ли Роланд в таком раннем возрасте занять ответственный административный пост? Конечно, это могло произойти только, если он был сыном Карла.

При этом условии, такое назначение является не только естественным, но почти обязательным. Все сыновья Карла, которые не происходили от конкубин, получили еще при жизни Карла и еще в раннем возрасте свои уделы и, именно, на окраинах государства. *Einh. Annales a. 781 (SS. I, 161)* „*Baptizavit idem pontifex (Hadrianus) filium eius Pippinum, unxitque eum in regem. Unxit etiam et Ludewicum fratrem eius, quibus et coronam imposuit. Quorum maior, id est Pippinus, in Longobardia, minor vero, id est Hludovicus, in Aquitania rex constitutus est*“. Мы видим, что Пиппин стал королем 8 — 9 лет от роду, Людовик же — трех; первый сел на пустующий престол Десидерия, для второго было основано новое королевство. Ясно, что Карл смотрел на эти новые королевства, как на свои марки и распоряжался в них соответственно. Еще одно, в известном смысле, соответствующее нашему случаю назначение мы встречаем в 784 г. *Einh. Ann. a. 784 (SS. I, 167)*: „*Filium suum Karolum cum parte exercitus in Westfalarum finibus sedere iussit*“. (Сыну

своему, Карлу, он приказал расположиться с войском на границе земли вестфалов). Таким образом, Карл фигурирует в 12-ти или 13-тилетнем возрасте, как „custos limitis“. ¹ Что касается Бретанской марки, то основанная, повидимому, незадолго до 778 г., она могла иметь такое же происхождение, как и Аквитанское королевство, т. е. должна была объединять отдельные административные единицы окраины, и для поддержания престижа такого объединения во главе области был поставлен принц, по обеим линиям принадлежавший к королевскому роду.

В общем, показания эпоса хорошо подходят к положению вещей в каролингскую эпоху. Согласно G, например, Роланд живет в Vannes. Ванн (Veneda urbs) со времени отнятия его у бретонцев в 753 г. (Ann. Mettens. SS. I, 331) является центральным операционным пунктом против этих последних. Ср., например, Einh. Ann. a. 818 (SS. I, 205); „Ipse (Hludow. imp.) cum maximo exercitu Britanniam adgressus generalem conventum Venedis habuit. Inde memoratam provinciam ingressus... brevi totam in suam potestatem non magno labore redegit“. Таким образом, Ванн par excellence служит тем целям, для которых Роланд был послан в Бретань и вполне мог быть его резиденцией.

G даже, как кажется, сохранил некоторые индicii относительно области, на которую простиралась

¹ Самое положение Карла на саксонской границе, конечно, сильно отличается от должности Роланда: Карл выступает здесь как начальник войска (scara contra Westfalaos), а не как начальник края. Сходство лишь в том, что и тут, и там ответственная должность на окраине поручается молодому королевичу.

власть Роланда. G называет по имени вассалов Роланда, которые сопровождают его к Карлу.

485.16:

„Et mena avoec lui Henri, I sien compere
Qui quens estoit de Mans, et Guiot de
Valclere
Et Pons de Rechefort et Hercembaut
de Fere“.

Valclere нам установить не удалось. Rochefort несомненно идентичен с Rochefort-en-terre, в 34 километрах от Ванна. Mans, не уступающий Ванну в значении, играет такую же роль в обороне бретонской марки. Там еще в VI веке франкский король собирал войска для борьбы с бретонцами (Lavissee: Hist. d. Fr. II, 150). Там же в середине IX века помещается центр военных действий против бретонского царька Неменоя. ¹

Сказание подтверждает, что Роланд владел этим городом, так как у Турпина (XI р. 17) Роланд назван „comes сепоманensis“. Исторический же Роланд, владея всей маркой и живя в Ванне, мог поставить графом или вице-графом в Мане un sien compere — Генриха (или то лицо, которое этот последний заменяет в тексте G). Что владение Манской областью составляло почетную должность, достойную королевского сына, подтверждается назначением туда в 790 г. младшего Карла с титулом герцога. Ann. Lauriss. a. 790 (SS. I, 176). „Huius anni principio rex

¹ Fragm. Chron. Fontanelb. a. 850—1er (SS. II, 303). „Indequе ad Cinomannis cum indicibili furia pervenerunt“.

Carolus primigenitum filium suum Carolum ultra Sequanam direxit, dans ei ducatum Cenomannicum". Что было хорошо для первенца Хилдегарды, то вполне подходило и для сына Гислы. Fere мы не нашли в обследуемой области, если только источники G не исказили это имя из Ferré,¹ расположенного в области Авранша в 20 с лишним километрах от Fougères, где сохранились локальные легенды о Роланде (см. Paris Rom. XI, 407 п. 3).

Если бы это было так (что, впрочем, является только робким предположением), то область, приписываемая Роланду, расширилась бы почти до Ла Манша.

Когда произошло назначение Роланда в Бретань мы не знаем. Но, если мы захотим согласовать это событие с показаниями эпоса, то нам придется поместить его не ранее 772 г., так как Orlandino предполагает, что встреча Карла с Роландом произошла уже после рождения младшего Карла.

Orl. X, 373:

„E si gel dist: „Bel filz, e'no ve-l celaron
Por filo vos tirò como faço Carlon“.

(И сказал ему: „Милый мальчик, я не скрою от вас: я буду вас держать у себя, как сына, подобно Карлу). Таким образом, раз мы не хотим противоречить сказанию, нам придется поместить назначение Роланда между 772 и 777 гг. При этом выйдет что Роланд начал свою политическую

¹ Восточно-французские певцы могли переменить малоизвестное имя Le Ferré, на более привычное для них Fere.

карьеру не ранее трехлетнего возраста, т. е. не раньше, чем Людовик.

Если такое назначение, действительно, состоялось, то оно само по себе являлось признанием высокого происхождения дитяти - маркграфа.

(13) — В каком походе участвовал Роланд? Ясно, что ни один из указанных в наших вариантах многочисленных походов не может соответствовать исторической действительности. Походы против Жирарда Вианского (K) и Реналда Монталбанского (Ren. d. M.) суть достояние легенды. Война в Италии для освобождения папы (BR) произошла в 799 г., война в Ескавонии (G) — в 789, в Бретани (если видеть ее отражение в бескровном усмирении врагов Гислы в G) — в 786. Словом, все эти события или вовсе не имели места, или произошли после смерти Роланда. Стало быть, в исконном субстрате должен был быть другой поход, который был вытеснен из всех вариантов по какой либо причине. Исторически нам известен только один поход с участием Роланда, испанский 778 г. Но как же певцы XIII и XIV вв., которые имели перед собой богато развитую биографию Роланда с участием в войнах против баронов, против Еаумонта, против Аголанда, против саксов, могли бы поместить самый последний роковой поход вначале его героической карьеры? Таким образом, испанский поход 778 г. и наиболее подходящий для того, чтобы быть вытесненным, и единственный исторически засвидетельственный.

Но при том возникает еще вопрос. Мог ли Роланд, которому в 778 г. было не более 12 лет, участво-

вать в необычайной по трудности переходов военной экспедиции? Утвердительный ответ на этот вопрос дает уже упомянутый нами факт участия младшего Карла в саксонской войне 784 г. в возрасте 12 — 13 лет. Кроме того, в Vita Hlud. так называемого Астронома мы читаем под 792 г., что Людовик получил приказание идти с войском на помощь Пиппину против Беневента. „Cui oboediens... per montis Cinisii asperos et fluxuosos anfractus in Italiam transvehitur atque; ... ad fratrem venit. Cui coniunctus, iunctis viribus Beneventanam provinciam ingrediuntur, cuncta obvia populantur, castro uno potiuntur“. Мы видим 14-тилетнего Людовика во главе самостоятельной армии переходящим Мон Сенис. Почему бы 8 или 12-тилетнему Роланду не участвовать в экспедиции, руководимой самим Карлом, а тем более двигаться в арьергарде? Как видим Роланд и тут только проходит обычный политический стаж, который Карл Великий предписывал своим сыновьям.

Мотивы (7, 8, 9, 10)

Роланд при дворе Карла

В середине повествования Р находится компактная группа, так сказать, описательных мотивов, изображающих прием Роланда при дворе. Существенной роли в развитии действия они не играют, но придают сказанию характерный колорит, особенно, если принять во внимание, что они целиком списаны с каролингского церемониала и может быть, даже с определенного рассказа о прибытии юного Людовика

ко двору Карла Великого. Эта сцена описана у так называемого Астронома в чертах столь сходных с Р, что напрашивается мысль, не вставлена ли она в Р из Астронома или из общего источника и применена к Роланду. К полной уверенности в этом факте, однако, притти невозможно, во-первых, в виду отсутствия у Астронома мотива (9), а во-вторых, в виду того, что некоторые сходства и, в частности, весь мотив (8) находят аналогию в других явлениях эпохи. Для наглядности приводим в переводе соответствующие места из Астронома, составляющие хороший pendant к целостному рассказу Renaud de Montauban — „Vita Hludowici Imp“. (SS. II, 609) IV: „Сына своего, короля Людовика, послал он править в Аквитанию, придав ему (в помощь) губернатора (baiulum) Арнольда и приставив согласно чину и обычаю двора (ordinabiliter decenterque) других чиновников (ministros), подходящих для опеки над дитятею. Вплоть до Орлеана его (Людовика) везли в передвижной колыбели (cunali gestamine). Но там, опоясанный подобающим его возрасту, оружием он был посажен на коня и с божьего соизволения доставлен в Аквитанию. После того как он пробыл там немного лет, а именно, 4 года (т. е. в 785 г.), достославный король Карл... послал за сыном, уже хорошо ездившим верхом, и велел ему явиться со всем войском (cum populo omni militari), оставив (на местах) одних маркионов... Повинуясь ему по мере умения и возможности, сын Людовик поспешил в Падерборн, одетый, вместе с мальчиками сверстниками по васконскому образцу, а именно, в круглый плащ, с распоротыми рукавами рубахи,

с широкими голенищами, со шпорами на обуви, держа в руках дротик... Он остался при отце, совершив с ним оттуда путь до Херисбурга... В конце ее (т. е. осени) он, получив на то разрешение отца, вернулся зимовать в Аквитанию... VI: Между тем, на следующий год (791), король Людовик поспешил к королю-отцу в Енгелхейм, а оттуда направился вместе с ним в Регенсбург. Там, будучи, как достигший отроческих лет, опоясан мечем и проводив до Кунеберга отца, ведшего войско в землю аваров, он получил приказание вернуться“.

Первое возвращение Людовика ко двору совершилось в 785 г., т. е. тогда когда ему было 7 лет „*tant qe il avoit VII ani pasé*“, как в Р (см. выше). При этом он совершает часть пути вместе с Карлом. Очень возможно, что в Р эта подробность контаминировалась с предыдущей поездкой Людовика в Орлеан, т. к. Kms. 37 говорит: *Eptir that for Karlamagnús konungr til Orliens ok medh honum jungherra Rollant ok varnadharmenn sveinsins bådhir*“.(После этого поехал король Карламагнус в Орлеан и с ним княжич Роланд и оба воспитателя мальчика). Конечно, нам могут заметить, что если Роланд ехал, скажем, из Аахена или из Парижа в Верхнюю Бретань (Морбиан) или Мэн, то путь его тоже лежал через Орлеан;¹ таким образом, если сходство положений находится вне сомнения то причина его не совсем ясна. Далее,

¹ См. V. hl. (SS. II, 639): „*Iter suscepit ad Augustodunum, ndeque Aurelianam pervenit ad urbem, in pagum cinnomanicum*“.

Карл снабжает сына придворными по положению. Так же Kms. 38: „Hann fékk theim 4 meistara yfir thjòna sína: einn vardhveitti mungàt, annan hùssyslaman, 3 búsyslumann, fjórtha konstabl“. (Дал он (Милон) им [Роланду и сверстникам] четверых начальников над челядью: одного сенешаля, другого — каштеляна, третьего — майордома, четвертого — конюшего). Здесь как мы видим, Р выражается гораздо подробнее, чем Астроном и упоминает других чиновников. Здесь отсутствует *baiulus*, но зато на лицо все главные чины двора: „*regiae mensae praepositus*“, „*comes palatii*“, „*maior domus*“, „*comes stabuli*“. Кроме того, Р упоминает об этом событии в связи с отправлением Роланда на войну. Мы же знаем из истории, что в обществе Роланда во время похода 778 г. находились „*mensae praepositus*“, (*Eggihardus*) „*comes palatii*“ (*Anshelmus*) и „*plerique aulicorum*“, правда, как думает Ейнхард, не Роландовы, а королевские; последнее различие, однако, несущественно для образования Р, если все означенные сановники находились там по предписанию короля.

Астроном отмечает, что Карл призвал к себе сына, когда тот уже хорошо ездил верхом („*iam bene equitatem*“), т. е. когда он уже мог без опасности для здоровья совершить путешествие.

См. *Orlandino*, 441:

„A R. fo un palafroi donè,
Qe unchamès no fo sor nul monté;
En petit termen en fo si costumé,
Q'el çivalçava bon dester seçorné“.

(Роланду дали маленькую верховую лошадь, так как он никогда не ездил ни на какой; в краткий срок он настолько привык [к верховой езде], что ездил на хорошем заводском скакуне). Поэтому, может быть, Карл и ждал семилетнего возраста Людовика, чтобы повидать его. Возможно, что так же было и с Роландом.

(7) — На Адемара „благороднейшего и благочестивейшего монаха“ (SS. II 607), который передал Астроному интересующий нас эпизод, сильное впечатление произвел своеобразный костюм Людовика, который он подробно описывает. Р, как мы видели, тоже отмечает роскошную и оригинальную (BR) одежду Роланда, но сходства с описанием Астронома ни в подробностях, ни в локальном характере костюма незаметно. Это, конечно, не нарушает возможности прямого заимствования из Астронома (аквитанская *couleur locale* могла и, пожалуй, должна была утратиться, если заимствование произошло рано). Но, с другой стороны, мы знаем, что в придворных кругах эпохи Карла Великого всегда во время празднеств обращали внимание на роскошные туалеты особ царствующего дома.¹

(8) — Людовик у Астронома окружен сверстниками (*coaevis sibi pueris*), т. е. „*estoit cun altri enfan*“, как в Р. Но не могли исторический Роланд

¹ См., например, Theodulfi ad Carolum (PL. I, 485) 93:

„Pallia dupla celer, manum seu tegmina blanda
Suscipiat Carolus, et gladium Ludoich“.

и, в особенности, Angilberti „*Carolus M. et Leo papa*“ (PL. I, 366 — 379).

иметь при себе свиту юношей? В самом деле, единственный из спутников Роланда, ближе нам известный по сохранившейся эпитафии, Еггихард, изображается, как юноша, у которого еле пробивается пушок.

Epitaphium (PL. I, 109) 5:

„Roscida purpureas lente lanugo genellas
Cingebat: heu me, pulcra iuventus obit“.

(Влажный пушок еле пробивался по краям (lente cingebat) румяных щек. Увы мне, погибла прекрасная юность [т. е. прекрасный юноша])! И здесь, значит, можно свободно решать двояким образом вопрос о происхождении мотива.

(10) — Первое детское вооружение, одетое на Людовика в Орлеане, конечно, не может быть приведено в качестве параллели к посвящению Роланда в рыцари в Р. Но зато очень хорошо подходит для этой цели то место Астронома, где Людовик в подходящем возрасте был „опоясан мечом“ (ense aecinctus). Опираясь на эту параллель, мы склонны думать что Роланд мог получить оружие только во второй свой приезд в 778 г. как, впрочем, показывают и Renaus de Mont. и Kms., которая прибавляет, что „Роланд был так молод, что он (Милон) повесил ему меч на шею“ (с. 39).

И здесь, как и в других случаях, мы никак не можем решить имеем ли мы перед собой заимствование или две передачи однородного церемониала.¹

¹ Очень возможно, что сюжет Р есть уже сложное образование, состоящее из исконной части (r) и притянутого рассказа о приеме Людовика (l), т. е. $P = r$ (1, 2, 3, 4, 5, 6, 11, 13) + l (7, 8, 9? 10).

Как бы ни решился вопрос относительно описательных мотивов, мы сейчас можем уже сделать выводы из произведенного в этой главе опыта, исторического объяснения сказания (Р). ²

а) Все мотивы Р. с их типичными спецификациями укладываются в хронологические рамки и бытовые условия той эпохи, в которую жил бретонский маркграф Хруодланд.

б) Ряд черт, встречающихся в эпосе, прямо подтверждаются историей:

- 1) Мудрость и красота Гислы.
- 2) Назначение Роланда в Бретань.
- 3) Две поездки к Карлу (т. е., по меньшей мере, две).
- 4) Придворные должности реальных спутников Роланда. (Einhard).
- 5) Их крайняя молодость (Epitaphium Aggiardi).

в) Отношение Карла и Гислы в том виде, в каком изображают их современники, отнюдь не противоречат возможности их сожительства; напротив, любовь Гислы к Карлу характеризуется, как весьма сильное (и может быть, не совсем безгрешное) чувство.

г) Бытовые мотивы Р. поддерживаются весьма точными историческими аналогиями из эпохи Карла Великого.

² Мотив (9), т. е. поцелуй, которым отец встречает сына, вряд ли нуждается в исторической параллели. Поцелуи при встречах, впрочем, не редкость в литературе этой эпохи. См., например, PL. I, 377, ст. 457:

„Mox Leo papa solo Pippinum more benigno
Excipit et, sacris circumdans colla lacertis,
Haeret in amplexu diu placida oscula bibans“.

- 1) Молодость королевичей при назначении их на самостоятельные должности.
- 2) Назначение королевичей на окраины.
- 3) Умение ездить верхом, как мерило совершеннолетия.
- 4) Посвящение в рыцари (т. е. опоясывание мечем) в 7-милетнем возрасте.
- 5) Путь в Бретань через Орлеан.
- 6) Свита королевичей и придворные должности при них.

д) В целом, биография Роланда в Р является биографией не только возможной, но прямо таки обязательной для каролингского принца. Это — кусок живой жизни.

е) Наконец, нельзя доказать, что какая либо черта Р немыслима в VIII и IX вв.

Таким образом, историческая правдоподобность Р может считаться вполне установленной.

Итак, вся историческая основа сказания о Роланде, к которой постепенно притянулся весь остальной материал цикла, состояла из рассказов о „рождении и детстве Роланда“ (Р) и о „смерти при Ронсевале“ (Рс).

III. ПРИЛОЖИМОСТЬ ГИПОТЕЗЫ

1. Приложимость к возникновению сказания

Итак, наша гипотеза удовлетворила первому предъявленному к ней требованию: она правдоподобна, она может быть согласована с историей. Остается определить, достаточно ли она для разрешения вопросов А и В, поставленных в начале этой работы.

А.—На вопрос об условиях централизации Роланда гипотеза наша отвечает вполне и сразу в двух направлениях, объясняя как первенствующую роль Роланда в сказании об испанском походе, так и молчание о нем исторических источников.

Последнее вполне ясно для нас. Во-первых, происхождение Роланда было не из таких, о которых можно говорить в официальных жизнеописаниях и даже в хрониках,¹ которые могли стать известны

¹ Ейнхард, как мы видели, очень неточно передает семейные события, происшедшие до прибытия его ко двору. Для него рождение Роланда было старой сплетней, с которой он не находил нужным считаться, как с историческим материалом. Вот почему он и расположил имена умерших при Ронсевале в официальном порядке их чинов: „mensae praepositus“, „comes palatii“, „limitis praefectus“.

при дворе; до других же монастырей, не имевших прямых сношений с двором, рассказ мог и не дойти. Если даже о гораздо более невинных романах особ царствующего дома, как то: Ротруды с Рориконом, Берты с Ангилбертом и о поведении других дочерей Карла, до нас дошли лишь отдельные упоминания, то нет ничего удивительного в том, что грех Карла и Гислы не стал достоянием истории. Тем не менее, такие заманчивые эпизоды придворной жизни могли жить в устной традиции, как мы видели на примере рассказа об Ангилберте и Берте, который в начале XII в. в „*Vita Angilberti*“ (Б) принял вид значительно более сложный, чем сохраненный нам историей.

Не должны мы, исходя из нашей гипотезы, удивляться и тому, что Роланд нигде, кроме повести о его смерти не упоминается. В самом деле, в каких событиях мог он участвовать, дожив всего до 12, а, может быть и до 8 лет? Кроме того, как нарочно, в период его номинального управления Бретанской маркой (са. 772—8) бретонцы держались спокойно и не производили набегов. О внутренней же жизни бретонской марки, вообще, почти ничего не известно. Как ни странно, единственным историческим событием жизни Роланда была его смерть¹.

Для историка Роланд, конечно, совершенно неинтересное лицо; но зато он интересен для царедворца, для дружинника, для слуги, для обывателя. Это

¹) Что, например, знаем мы о Пиппине Горбатом, несомненном сыне Карла, кроме его заговора против отца?

и есть ценное последствие принятия нашей гипотезы. Роланд, как сын и одновременно племянник Карла, был личностью, притягивающей к себе всеобщее внимание; высокородный ребенок, так таинственно рожденный и так трагически погибший, без труда становился центром рассказов и, в частности, рассказа о сражении, в котором он нашел кончину, тем более, что самое сражение ни в каком другом отношении и не было особенно замечательным. В самом деле, как случилось, что Анселм и Еггихард лишь слабо отразились в истории и навсегда погибли для эпоса? Те, которые хотят класть хронику Ейнхарда в основу Роландова цикла, прежде всего должны были бы объяснить этот факт.¹ С точки зрения нашей гипотезы это объясняется с легкостью. Юноши, окружавшие Роланда не были ничем замечательны; в самой битве, захваченные в расплах и перебитые, как младенцы, они не успели отличиться. „Ни сказки о них не расскажут, ни песни о них не споют“. Один только Роланд среди них „inter innumeros numerandus“, один он составляет центр сражения и самую главную потерю.

¹ На самом деле мы видим как раз обратное: памятники, кладущие в основу Ейнхарда, именно эти то имена и удерживают. Например:

Karolinus:

„Hic Anselmus comes occidit imbre cruento
Missilium confossus, et Engebardus in aula
Praepositus . . .“

Rodericus Ximenes (Hisp. illustrata II, 74) III c. 10: „In prima acie venerunt praefectus Britanniae Rolandus, et Anselmus Comes, et Eginardus qui erat praepositus mensae Caroli“.

И он один стал источником традиции, малоценной для историка, но полной захватывающего интереса для сказителя и его аудитории. И в этом ключ ко второй загадке, ключ к решению вопроса о славе Ронсевальского сражения.

В. — В битве 778 г. Карл потерял родного сына, может быть, первенца. Вот почему „получение этой раны омрачило в сердце короля большую часть достигнутых в Испании успехов“. ¹

Мелких неудач, подобных ронсевальской, было немало и во времена Карла (например, в Саксонии в 782 г.), и в ближайшие царствования (см. ниже), но все они или вовсе не сохранились в эпосе, или, может быть, наслоились на ронсевальский эпизод, так что только Алисканское поражение может сравниться с ним в популярности. Наша гипотеза, совершенно отрицающая участие Ейнхарда в зарождении цикла, единственная из всех предложенных до сих пор, способна объяснить предпочтение, оказанное эпосом этому эпизоду перед другими подобными: в сражении 778 г. погиб Роланд, сын и племянник Карла Великого. И эпос, как кажется, подтверждает наше предположение, сохраняя из всех исторических признаков этого сражения только указанную нами черту. В самом деле, место сражения перенесено из ущелья в широкую долину, враги-баски заменены сарацинами, участники боя — другими эпическими или фантастическими личностями, ход сра-

¹ Einh. Annales a. 778 (SS. I, 159): „Cuius vulneris acceptio magnam partem rerum feliciter in Hispania gestarum in corde regis obnubilavit“.

жения искажился до неузнаваемости, главная цель нападения, отбитие обоза, канула в Лету; и только один мотив „гибель Роланда“ пережил все условия различных эпох, все перепитии циклизации, ибо в нем основа цикла, его исконная *raison d'être*.

Итак ход рассуждения при ответе на предложенные вопросы А и В вкратце выражается следующим образом:

а) если Роланд является сыном сестры Карла, как утверждают все сказания, то он мог быть только незаконным сыном Гислы;

в) если он был сыном Гислы, то ему в год смерти могло быть не более 12 лет;

с) если он был так молод, то он мог стать префектом Бретанской марки, только будучи сыном Карла;

д) если он был сыном Карла, то понятно, почему вокруг него сосредоточился интерес современников (А);

е) если вокруг него сосредоточился интерес, то понятно, почему прославилось Ронсевальское сражение (В).

2. Приложимость к развитию сказания.

Этим, казалось бы, задача может считаться разрешенной: создана гипотеза и правдоподобная, и приложимая к разрешению вопросов о централизации. Но самое разрешение при современном состоянии учения о Роланде требует некоторых разъяснений. Если исходным пунктом развития сказания является сюжет Р., незанесенный историками

и вряд ли, вообще, попавший в письменность до XII — XIII века, то этот сюжет должен был развиваться в устной традиции начиная с конца VIII века. Такой вывод 20 лет тому назад не возбудил бы никакого удивления. Но теперь, когда ряд выдающихся исследователей склоняются к мнению о позднем происхождении сказания,¹ необходимо занять определенную позицию в этом отношении, и показать, что в конце VIII-го и в IX-м веке существовала среда, в которой сказание могло развиваться, и были налицо все условия, в силу которых развитие могло пойти тем путем, каким оно фактически пошло. Эти два пункта доказательства напрашиваются двойкой аргументацией сторонников позднего происхождения. Они, во 1-х, опираются на отсутствие памятников цикла от IX-го до конца XI-го века и упоминаний о нем в литературе этой эпохи; во 2-х, они в лице Бедье (Leg. épiques III) настаивают на том, что XI век есть наиболее благоприятное время для начала развития цикла. Аргумент *ex silentio*, уже мало убедительный, как таковой, обладает в данном случае еще той слабой стороной, что именно период от IX-го до XI-го века менее всего способен был сохранить нужный нам материал. Всем известно, как медленно светская литература, в особенности, пользовавшаяся национальными языками, добывала себе право на письменность. Вполне понятно, что памятники и упоминания потекли с того времени, когда это право

¹ Еще в недавнем № XLIV. Zeitschr. f. frz. spr. u. Lit. (Hofb. 2, 110) Tavernier заявил: „Zwischen den Ereignissen und der Dichtung stehen die Berichte der Historiker“.

было завоевано, т. е. с конца XI-го века. Отсутствие памятников до того времени показывает только, что это были памятники светского характера, а не то что их вовсе не было. Поэтому отсутствие прямых упоминаний о Роланде не должно нас смущать: ¹ нам достаточно знать, что каролингская эпоха кишела эпосом самого различного рода, что все слои населения культивировали его в той или иной форме и что сюжеты, аналогичные, Р и Рс, являлись темами этого эпоса. ² Если мы это покажем, то аргумент *ex silentio* утерять свою последнюю привлекательность. Против более сильного положительного аргумента, решающего вопрос в пользу XI-го века, мы приведем ряд фактов, устанавливающих, что, в IX-м веке мы находим атмосферу не менее, если не более, подходящую для развития сказания, чем в XI-м.

Неудача в Пиренеях омрачила сердце Карла; мы знаем, как он оплакивал смертные случаи в своей семье (Einh. V. C. XIX. SS. II, 454). При дворе это событие не могло не произвести впечатления. Но придворной поэзии в 778 г. еще не существовало; еще не прибыл Алкуин, еще не работала Академия. Зато жив был другой источник эпоса, придворная сплетня, для которой личность Роланда

¹ Никто ведь не станет отрицать, например, существование сказания о Нибелунгах в Германии VI-го века, хотя о нем нигде нет упоминаний.

² При этом мы совершенно оставляем в стороне знаменитый вопрос об „эпопее“, в виду его праздности при давном состоянии материала. Нам важно только показать, что существовали какие либо литературные формы, в которых сюжеты Р и Рс могли уложиться.

давала обильную пищу. Что при дворе ходили самые неблагоприятные слухи о поведении особ царствующего дома, мы знаем от Ейнхарда, который (l. c.) рассказывает, что, не желая отпустить от себя красавиц-дочерей „*cum pulcherrimae essent*“, Карл испытал на себе жестокость судьбы „*fortunae malignitatem expertus est. Quod tamen ita dissimulavit, ac si de eis nulla umquam alicuius probri suspicio exorta vel fama dispersa fuisset*“. (Однако, он делал вид, точно относительно их (т. е. дочерей) никогда не возникало никакого подозрения в распутстве и не ходило никаких слухов). Двор болтал, и сплетня распространялась. Что такова была судьба придворных слухов, более чем вероятно. В послании к Теодулфу (ca. 818) Модоин пишет.

(PL. I. 571) 83:

Haec te nosse reor, quoniam cito spargitur
orbe Fama celer toto aulica dicta
gerens“.

(Я полагаю, ты знаешь, как быстро распространяется по всему свету проворная молва, разносящая то, что говорится при дворе). В результате таких разговоров в близких ко двору монастырях сложилось весьма неблагоприятное мнение о нравственности Карла и его семьи. Вот показание, исходящее из Корбейского монастыря от Пасхазия Ротберта, восхваляющего (Vita Adalhardi XXXIII! SS. II, 527) кузину Карла, Гундраду, за то, что она „*inter venereos palatii ardores et iuvenum venustates, etiam inter mulcentiam deliciarum et inter omnia libidinis blandimenta, sola meruit (ut credimus),*

reportare pudicitiae palman“ (среди огня страстей [бушевавшего] во дворце, и обольстительности юношей, а также среди неги наслаждений и всех улещений похоти, единственная, как нам кажется, заслужила пальму стыдливости). Среди других, не заслуживших пальмы, была, вероятно, и Гисла, тем более, что „Vita Adalhardi“ имела основание особенно интересоваться первыми годами царствования Карла, когда ее герой (Адалхард) еще жил при дворе (см. выше II, 2.) Особенно всплыли слухи позорящие память Карла, после смерти императора В Рейхенауском монастыре возникла легенда, по которой распутное поведение Карла приводит его после смерти в Чистилище, где он подвергается жестоким мукам (Visio Wettini. PL. II, 271). Была ли история с Гислой одной из причин таких слухов, неизвестно; но почти несомненно, что, если рождение Роланда произошло при обстоятельствах, описанных в Р, то оно возбудило бы интерес скандала и превратилось бы в секрет Полишинеля.

Но кроме придворных и монахов, находились и другие люди, которые не прочь были перемывать косточки высоких особ; это — дворцовая челядь. Хорепископ Теган рассказывает о тесте Лотаря, графе Хуге, который был настолько труслив, что собственная дворня (domestici) издевалась над ним, распевая песенки (cecinerunt) о том, что он будто бы не смеет ступить за порог.¹ Что это

¹ Thegani V. Hlud. (SS, II, 597) XXVIII: „Hlotharius... suscepit in coniugium filiam Hugi comitis... qui erat timidus super omnes homines. Sic enim cecinerunt ei domestici sui, ut aliquando pedem foris sepe ponere ausus non fuisset“.

были за песенки, мы не знаем, но ясно, что слабые стороны господ поднимались в них на смех. Таким слабым местом было, конечно, рождение Роланда.

Но если вероятно, что в указанных выше кругах могла подчеркиваться скандальная сторона происшествия, то, без сомнения, существовала возможность, взглянуть на дело с трагической стороны. Ейнхард (V. С. XXI. SS. II, 455) рассказывает, что при дворе Карла всегда толпилось много странствующего люда, который платил „доброй молвой“ (*bonae famaе mercede*) за королевское гостеприимство. Среди этого народа попадались скоморохи (*scurrae*), которые, между прочим, пели на злобу дня и даже позволяли себе касаться семейных дел монарха. Таково, по крайней мере содержание песенки, которую „*quidam scurra*“, по показанию Сангалленского Монаха (SS. II, 736), пел в защиту опального королевского шурина Уодалриха. Песенка, как думал Мюлленгоф, была сложена на немецком языке (?) и пропета на плачевный лад, так как Карл прослезился (*illacrimatus ille*). Нетрудно представить себе в устах того же скомороха народную песню о сражении 778 г.

Но главными специалистами по воспеванию сражений и гибели героев были дружинники. Можно считать установленным фактом, что песни о сражениях возникали в дружинной среде даже немедленно после событий, как видно из кантилены о битве при Фонтенуа 841 г. (PL. II, 138):

8:

Hoc autem scelus peractum, quod descripsi
ritmice.

Angelbertus ego vidi pugnansque cum
aliis.

Solus de multis remansi prima frontis
acie“.

(Это преступление (т.е. братоубийственный бой), которое я описал в ритмических стихах, я, Ангилберт видел, сражаясь вместе с другими; один из немногих я остался от первого отряда передней линии).

Для нас интересно, что песня исходит от воина побежденной стороны, в котором битва возбуждает горестные воспоминания:

11:

Laude pugna non est digna nec canatur
melode,

Oriens, meridianus, occidens et Aquilo,
Plangant illos qui fuerant illic casu mortui“.

(Битва эта недостойна похвалы и не должна быть воспета в песне. Восток, Юг, Запад и Север пусть оплачут тех, которые там пали мертвыми). Так могли быть воспеты и убитые при Ронсевале. Ритмическая поэзия охотно останавливается на оплакивании мертвых (Karolus, Hug, Hericus). Ронсеваль давал богатую тему для такой заплачки.¹

¹ Легко представить себе, что об одном сыне Карла (Роланде) пелось приблизительно то же, что о другом (Хугоне.)

Planctus Ugonis abbatis (PL. II, 139):

„Hug dulce nomen, Hug propago nobilis.

Karli potentis ac sereni principis.

Insons sub armis tam repente soncius

Occubuisti“.

Вот мы указали целый ряд общественных групп IX-го века, в которых сюжеты Р и Рс, могли получить то или иное словесное выражение. Форма и язык прозаических рассказов и анекдотов, конечно, не могут быть точнее определены. Из стихотворных форм подобные сюжеты могли быть обработаны в немецкой рифмованной песне и в латинских ритмах. На каком языке пела свои песенки челядь Хуга, установить трудно; но, так как дело происходило в Туре, то возможность романских песен не исключена.¹

Во всяком случае, существование в IX-м веке, если не насмешливых, то посмертных хвалебных песен на романском языке не подлежит сомнению. Мы можем заключить это из часто упоминаемых стихов „*Ecloga duarum sanctimonialium*“, приписываемых Пасхазию Ратберту (PL. III, 45):

7:

„*Rustica concelebret Romana Latinaque lingua,
Saxo quibus pariter plangens pro carmine dicat.
Vertite huc cuncti, cecinit quam maximus ille:
Et tumulum facite et tumulo superaddite carmen*“.

¹ Следует, однако, отметить, что выражение, употребляемое Тераном (*timidus super omnes homines*) могло быть взятым из самой песенки и тогда сильно напоминало бы аналогичное латинское стихотворение, в котором высмеивался анжуйский аббат:

„*Hunc fatentur vinum velle bibere.
Super omnes Andecavis homines*“.

(Пусть восславят [Адалхарда] народный романский и латинский языки, пусть сакс, сокрушаясь наравне с ними, скажет [о нем] в форме песни.¹ Все возмись за это, согласно тому, как пел оный величайший (Виргилий Ecl. V, 42): „И холм насыпьте и увенчайте холм песней“).

Итак, языки приглашаются увековечить покойника песней (*superaddite carmen*) и „*rustica romana lingua*“ должна участвовать в этом наравне с латинским языком (об обоих сказано *concelebret*,) т. е. именно в форме песни. В данном случае обращение к трем языкам не является пустой риторической фигурой, так как именно на них и должен был быть оплакан Адалхард, который был аббатом в *Corbeia Maior* (Corbie) на романской земле и в *Corbeia Minor* (Corvey) на саксонской земле. Пасхазий, стало быть, ясно представлял себе романские песни.² Из приведенных - примеров явствует, что в каролингскую эпоху не было недостатка в формах для обработки сюжетов *P* и *Pc*, не было недостатка и в классах общества, которым такие темы могли придтись по вкусу.

¹ „*Pro*“ с таким же оттенком, как в „*pro recto scire, pro testimonio dicere*“.

² Отрицающие *ex silentio* существование романских эпических или лироэпических песен в интересующую нас эпоху, должны отрицать также существование лирических и дидактических песен, еще менее засвидетельствованных. Тогда галло-римляне окажутся единственным народом в Европе, который не имеет песен на родном языке. У кого помещается в голове такой феномен, тому не возбраняется в него верить.

Мы даже имели случай отметить две стороны, с которых биография Роланда могла заинтересовать различные круги.

а) во-первых, интерес придворного скандала, который, как мы видели, порождал „aulica dicta“ и песенки челяди и с моральной точки зрения заинтересовывал монастыри,

б) во-вторых, история Роланда возбуждала другой более серьезный интерес своей трагической развязкой, поражением франков, казавшимся значительным благодаря гибели королевского сына и племянника. Рассказ о гибели Роланда и о Ронсевальском сражении производил впечатление, аналогичное битве при Фонтенуа и опале Удалриха. Дружинники и скоморохи могли слагать о Роланде глубоко прочувственные песни на трех языках.

Оба эти направления в обработке сказаний вряд ли долго могли жить врозь: они должны были соприкасаться, влиять друг на друга. И фактически мы видим, что сказание о рождении Роланда то и дело появляется в светских поэмах в связи с духовным мотивом (св. Егидий), который прицепился к нему за время его странствования по монастырям. Влияние духовенства на светский эпос вряд ли кем отрицается. Но те, кто хочет придать церквям и обителям слишком большое значение в деле создания Карлова цикла, должны помнить, что Сангалленский Монах большинство своих рассказов об императоре слышал от старого дружинника, ходившего в войсках Карла. И впоследствии Хроника Турпина, по существу и цели церковное произведение, восприняла в себя сказание о Роланде в его светской версии.

Именно это второе, светское направление в обработке сказаний Р и Рс легло в основу нашей традиции; с его интересом к трагическим и военным мотивам оно положило начало героическому развитию сюжета. Семейная и противонравственная сторона или замалчивалась, или была вытеснена привлечением других сказаний. Вывод можно сформулировать так:

Пока литературная гегемония находилась в руках носителей первой традиции, в письменности мог появиться только тот Роланд „de quo silendum est“. И поэтому „les plus sachant“ молчали. Светская традиция, обратившая внимание на героическую и трагическую сторону дела, достигла больших результатов в деле опубликования Р; но эта традиция получила доступ в письменность только к началу XII в. Таким образом, становится понятным состояние наших источников.

Развитие Р

Исконным параллелизмом двух традиций и объясняется непрерывное на протяжении столетий веков вытеснение мотива. Одна традиция, героическая и панегирическая, открыто шествует по Европе своим славным путем. Другая, подпольная и морализирующая, плетется за ней, как черная тень, то на время исчезая, то вновь выскакивая в том или ином виде и показывая оборотную сторону медали. То Карл не может пить из кубка Оберона, так как у него есть непрощенный грех (Huon de

Bordaux), то грехи Карла чуть не сводят его в ад, если бы не заступничество св. Якова (Historia Turpini), то неопределенная передача одиозного мотива вызывает игру фантазии и возбуждает против Карла обвинение в некрофилии (Karl Meinet, Chr. Weih.). Возбуждая антипатию в умах, приверженных к преобладающей традиции, одиозная версия служит побудительной причиной к новому творчеству и в своем столкновении со светлым образом Карла порождает разные новообразования и притяжение новых мотивов. В конце концов, удастся найти новое сказание (5М), созданное как мы видели, совместными усилиями монастырей и мирян, и притянуть его к циклу, в противовес неумирающей истине. Появляется компромисс: Роланд остается племянником Карла, но перестает быть его сыном.

Остальные мотивы Р никого не шокируют и могут свободно развиваться в общепризнанном направлении. Это развитие мы назовем героическим, так как первым и главным преобразованием, внесенным им в Р и Рс, было превращение действующих лиц основного сказания в героев. Для этого было достаточно стимулов, особенно, если сказание развивалось в военных кругах. Дружинный эпос в описаниях сражений рад восхвалять храбрость вождей; это даже характерный признак дружинной поэзии; так было и в IX в.

Versus de Fontaneto, 9:

„Ima vallis retrespexi, verticemque iuieri,
Ubi suos inimicos rex fortis Hlotarius
Expugnabat fugientes usque forum rivuli“.

Понятно, что центральное лицо Ронсевальской битвы, особенно среди воинов, не бывших очевидцами сражения могло стать вождем, а стало быть героем. Мало того, мы достоверно знаем, что уже в IX-м веке сказание окружало Карла Великого сонмом героев. Придворные (*palatini*) Карла уже тогда превратились в паладинов-воинов. Mon. Sangall. (SS. II, 739) XVIII: „*Palatini, hoc est invictissimi Karoli proceres*“ (Паладины т. е. никем не побежденные вожди Карла). Собрать такую же группу вокруг Роланда — дело момента, тем более, что в Р уже содержалась юная свита Роланда (мотив 8): оставалось только сделать этих юношей храбрецами. Вполне достаточно было участие любимого героя и его дружины в сражении (мотив 13), чтобы заставить его пасть с отличием. Кроме того, весьма возможно, что здесь сыграл роль тот (х), который породил мотивы (12) и (14) и, может быть, прикрывал какую-нибудь историческую выходку царственного ребенка. Все перечисленные мотивы, при наличии интереса к сюжету Р, могли служить ему щупальцами для притяжения к личности Роланда ряда подвигов. И пример — налицо: сказание об „Аспремонтской битве“ в процессе циклизации притянулось именно к Р, сохранив, как мы видели, ряд основных мотивов. Оно изображает Роланда мальчиком, отправляющимся на войну в толпе сверстников; между этой 2-ой поездкой к Карлу и посвящением в рыцари оно вставляет Аспремонтский подвиг.¹ Чем больше сказание

¹ Интересно отметить, что Aspremont сохраняет мотив (14), „избиение привратника“, что „палка“ Роланда, являющаяся

обогащалось такими вставками, тем больше у него становилось точек соприкосновения с другими циркулировавшими сюжетами, тем больше происходило притяжений и новообразований. По мере притяжений все новых и новых аналогичных побед над Баумонтом подвигов (например, Ферракут, Отинель), выросла на месте краткой исторической биографии Роланда длинная эпическая биография, которая превратила его в юношу, а затем, в силу генеалогической циклизации, в пожилого человека (Gui de Bourg., Galien). Но, разумеется, в задачи настоящей работы не может входить даже поверхностное описание притяжения к циклу отдельных сюжетов и развития образа Роланда. Нам достаточно было показать, что и в самом исконном (историческом) рассказе о Роланде и в той среде, в которой он вращался при своем возникновении, было достаточно факторов, которые могли дать толчок для пышной эволюции сюжета.

Развитие Рс

Мы сказали, что Ронсевальское сражение обязано своей популярностью интересу, возбуждаемому Роландом. По мере того, как этот интерес порождал славу Роланда, росло и значение битвы,

„ubi cecidit vir fortis in proelio,
Clipeo fracto, cruentata romphea“.

аттрибутом этого мотива, играет большую роль в дальнейшем рассказе. Это наводит на мысль, что мотив (14) был одним из источников притяжения Aspremont к Р.

Мало того, если сказание, действительно с самого начала вращалось в дружинной среде, Рс, как единственный боевой эпизод из жизни героя, мог более других мотивов рассчитывать на одобрение аудитории.

Развивая свои отдельные части, обогащаясь деталями и притягивая различные боевые эпизоды, Рс, в свою очередь, двигает эволюцию Р и превращает эпическую биографию Роланда в непрерывный ряд военных действий. Таким образом, мы признаем одновременность начала развития сюжетов Р и Рс, полагая это начало в эпоху, непосредственно следовавшую за событиями, т. е. на конец VIII-го и IX-й век.

Но именно тут мы наталкиваемся на положительную аргументацию сторонников позднего происхождения, а именно на теорию Бедье (Lég. Ер; — III) ¹ которая полагает, что сказание о Ронсевальском сражении начинает развиваться в XI-м веке, исходя из рукописного текста Ейнхарда. Стр. 447 — 8.

¹ Теория Бедье в ее целом, как в негативной, так и в позитивной части, настолько интересна и дает такой импульс для критической мысли, что надо было бы посвятить отдельную заметку обследованию ее с методологической и фактической стороны. Теперь же мы направим свои возражения только против тех положений Бедье, которые прямо противоречат нашим выводам.

Мы не касаемся также интересной (хотя и полной непрости-тельных натяжек) работы Boissonnade „Du Nouveau sur la Ch. de Roland“ (Paris 1923), ибо она говорит только о происхождении „Песни о Роланде“, которое нас в данном случае не интересует; в вопрос о происхождении сказания Буассоннад ничего нового не вносит.

„Assurément, entre le poème de Turolde et les plus anciennes fictions sur Charlemagne et sur Roland, bien des choses sont interposées: d'autres légendes, d'autres poèmes peut-être... Un genre littéraire ne débute pas par son chef-d'oeuvre et... Turolde eut des modèles, trouva une technique déjà constituée avant lui. Mais la question est de savoir... si, pour susciter ces modèles et constituer cette technique trois siècles, cinq siècles furent nécessaires, ou si ce ne fut pas assez des cent années de ce XI-e siècle, qui, dans les divers domaines de l'action et de la pensée, fut l'âge créateur entre tous“. Бедье решает вопрос в утвердительном смысле (стр. 378):... „Un clerc du XI-e siècle aura pu lire la Vita Caroli pour la combiner avec des fictions sur l'expédition de Charlemagne“. Таким образом, Бедье, как и все другие исследователи, признает между событием и поэмой известный ряд, состоящий из предыдущих легенд или песен, соединенных в одну эволюционную цепь. Вопрос в том, к какой эпохе прикрепить начало этой цепи. Но если песня о событии возникла в результате долгой эволюции, то исходный пункт этой эволюции не может быть помещен ни ранее момента события, ни позже сложения песни. Таким образом, естественным „terminus ad quo“ для начала развития Рс является момент события (конец VIII-го века), а противное должно быть доказано, т. е. должны быть приведены положительные данные о пользе какойнибудь промежуточной эпохи. Бедье это знает не хуже нас и знает также, что тут недостаточно привести какуюнибудь мелкую бытовую черту, которая могла наслоиться в XI-м веке. Он хочет доказать, что самое жизнен-

ное начало „Песни о Роланде“, то, без чего она не может существовать, не могло возникнуть раньше XI-го века. Аргументация опирается на 2 пункта. Во-первых, основой „Песни о Роланде“ является идея крестового похода. Все общечеловеческие и героические представления и чувства, встречающиеся в „Песне“, появляются в ней, „*reliés entre eux par une idée dominante, par l'idée des croisades, celle d'une mission heroique de la France: voilà ce qui n'est pas concevable avant la fin du XI-e siècle*“ (p. 451).— „*A quelle époque naît l'idée de la guerre sainte? Est-ce au temps de Charlemagne? Non; ce n'est ni de son temps, ni au IX-e siècle, ni au X-e; mais bien au XI-e dans la période qui précède immédiatement l'apparition de la Chanson de Roland*“ (p. 368).

Во-вторых, в XI-м веке, благодаря непрерывным походам французских баронов за Пиренеи от 1015 до 1095 гг. (стр. 369 — 371), создавалась наиболее благоприятная атмосфера для формирования круга слушателей, который заинтересовался бы походом Карла в Испанию.

Мы сначала остановимся на первом доказательстве, касающемся идеи крестовых походов.¹ Оно представляется нам методологически неправильным и фактически неверным. Методологически неправильно оно потому, что идея может присоединяться

¹ Что касается „*mission héroïque de la France*“, то в „Песне о Роланде“ она сводится к возвеличению Франции и ее народа, к патриотизму, который является прямым наследником франкского патриотизма, франкской национальной гордости, многочисленные и общеизвестные примеры которой из литературы IX-го века не стоит даже приводить.

к сюжету уже готовому в главнейших своих частях. Нельзя утверждать, например, что сказание о палатинах Карла возникло только во времена Ареттино, потому что раньше никто не внес бы в него того духа грубой непристойности и издевательства над рыцарством, которыми связаны все стихи „Орландино“. Никто этого не утверждает, ибо все знают, что цикл Карла существовал до XVI-го века. Таким образом, аргумент Бедье, если бы даже он был фактически верен, являлся бы только доказательством *ex silentio*.

Фактически же неверен аргумент потому, что та идея, о которой идет речь, не только могла, но, действительно, присоединилась к сказанию о войнах в Испании и с сарацинами, вообще, и к походу 778 года, в частности, гораздо раньше, чем полагает Бедье, а именно в IX в. В самом деле, в чем заключается идея крестового похода? Крестовый поход есть военная экспедиция, имеющая целью принести ту или иную пользу христианской церкви, в данном случае, освободить испанскую церковь из под гнета неверных. Достаточно сопоставить рассказ о походе 778 года в Einhardi Annales, начатых в 796 г., с передачей того же эпизода в Vita Hludovici т. н. Астронома (ca. 840), чтобы увидеть, что интересующая нас идея присоединилась к событию уже в первые полвека после его совершения.

Einh. Annales a. 778 (SS. I, 159): „Tunc;... spem capiendarum quorundam in Hispania civitatum haud frustra concipiens, congregato exercitu profectus est, superatoque in regione Wasconum Pyreni iugo, primo Pampelonam Navarrorum oppidum

adgressus, in deditionem accepit". (Тогда, не напрасно преисполнившись желанием завоевать в Испании некоторые города, [Карл] собрав войско, выступил [в поход] и, перейдя Пиренейскую цепь в области басков, прежде всего подступил к Памплоне, наваррскому городу и принял [ее] в подданство).

Vita Hludovici imp. (SS. II, 608) a. 778: „Statuit Pyrenaei montis superata difficultate ad Hispaniam pergere, laborantique ecclesiae sub Sarracenorum acerbissimo iugo Christo fauore suffragari". (Постановил он [т. е. Карл] преодолев трудности Пиренейских гор, направиться в Испанию и, с помощью Христа, помочь церкви, страдающей под жесточайшим игом сарацинов.)

Даже странно видеть, как большая теория падает от руки маленького текста. Ясно, что уже в течение IX-го века на испанский поход Карла стали смотреть, как на войну за освобождение церквей, как на крестовый поход. Во всей „Песне о Роланде" нет более выразительного места.

Но текст этот не единственный. Adonis Chronicum (SS. II, 323) a. 868: „Ludovicus imperator... pene omnia castella et oppida Beneventanorum, quae a Francis recesserunt Sarracenisque se iunxerunt, sub ditione sua recepit et loca sanctorum quae impii Sarraceni ac perfidi christiani contaminaverunt, Deo adiutore instaurando et restaurando purgavit". (Император Людовик вернул под свою власть почти все крепости и города беневентанцев, которые отложились от франков и присоединились к сарацинам, и очистил все усыпальницы святых, которые загрязнили

неверные сарадины и отступники-христиане, восстанавливая и отстраивая вновь).

Не менее выразительно следующее место из „Книги Откровений“ Аудрада Модика (са. 850), (Abh. Bayr. Ak. XIX, 384), где господь сам благословляет короля на крестовый поход в Испанию: „Do tibi, Karole, ut Hispanias duce beato Martino principe iterum liberes ab infidelibus“. (Предписываю тебе, Карл [Лысый], чтобы ты, руководствуемый владыкою блаженным Мартином, вновь освободил Испанию от неверных.)

Теперь мы понимаем, что Астроном действовал под влиянием идей и событий своей эпохи, когда дополнял текст хроники.¹ И в этом заключается ответ на второй аргумент Бедье.

¹ IX-му веку, между прочим, уже свойственно воззрение на врагов-нехристиан, как на защитников неправого дела, с которыми именно поэтому надо воевать, что Христос одобряет такую войну, словом: „Paiens unt tort it chrestiens unt dreit“.

Ermoldus Nigellus: In hon. Hlud. 289:

„Si gens ita Deum coleret Christoque placeret,
Baptismique foret unguine tincta sacri,
Pax firmanda esset nobis, pax atque tenenda (cf. Ch.
d. R. 225 sg.);

Conjungi ut possit religione deo.
Nunc vero execranda manet, nostramque salutem
Respuit, et sequitur daemonis imperia
Id circo hanc nobis pietas miserata tonantis
Servitii famulam reddere namque valet“.

Sedulius Scottus: Ad. Loth. regem (PL. III, 191)

29: „Cignea turba stetit Francorum belligerantum
Contra corvigenos cignea turba stetit.

В самом деле, выдвигая крестовые походы в Испанию в XI-м веке, как обстановку, подходящую для создания ¹ сказания о Ронсевале, Бедье должен доказать, что в период от 778 г. до „Песни о Роланде“, эта обстановка является единственной подходящей или, по крайней мере, наиболее подходящей. Мы же покажем, что в условиях VIII-го и IX-го веков тоже мог создаться живой интерес не только к Роланду, но и к испанскому походу. Бедье считает, что аудитория первых песен и рассказов о Ронсевальском сражении состояла из крестоносцев, направлявшихся в XI-м веке за Пиренеи; он цитирует от 1015 до 1095 г. 7 походов (гл. обр. бургундцев) в Испанию. Участники этих войн должны были интересоваться аналогичными явлениями далекого прошлого, связанными с тем же театром военных действий. Но мы спросим: разве не больше должны были интересоваться походом 778 г. участники многочисленных военных экспедиций конца VIII-го века и начала IX-го века, разыгрывавшихся в тех же

33: *Rustica verba dedit tunc Saracenus inormis*
Mox corvina phalanx rustica verba dedit

41: *Francigenas niveos sustollit gratia Christi*
Palmaque glorificat Francigenas niveos“.

¹ Bédier l. c. 372: „L'idée qu'il faut rapprocher la Chanson de Roland de ces croisades me paraît simple, légitime et presque nécessaire“. Вот с чем нельзя не согласиться; и нельзя не быть благодарным Бедье за то, что он впервые притянул этот материал, который, Буассоннад подробно, но не совсем удачно разработал. Но, если можно найти некоторые черты влияния этих походов на развитие сказания, то от этого еще далеко до возникновения сказания в XI-м веке.

Пиренеях и в той же Северной Испании (Астурия, Наварра, Каталония)? Разве не усиливался интерес от того, что многие из воевавших в последующих войнах еще живо помнили 778-й год? А последующих войн было немало.

793:

„Сарацины, которые были в Испании... вышли из своих пределов в некую часть Готии... и сошлись там с нашими; и пало там множество их, но и с нашей стороны было много убитых“ (Ann. Lauresh SS. I, 55).

796:

„Третье войско свое король Карл в то же лето послал в сарацинские пределы... опустошили оную землю и с миром вернулись к Карлу в Аахенский дворец“ (Ib. I, 37).

797:

„Людовик (направился) в Испанию с большим войском и без войны вернулся домой“ (Ann. Alemannici. SS. I, 47).

800—1:

„Король Людовик опять покинул Тулузу, а оттуда направился в Испанию“ (следует взятие Барселоны) (Vita Hlud. SS. II, 611—2).

801:

„В этом году сарацины выступили за свои пределы и были перебиты франками“ (Ann. S. Amandi. SS. I, 14).

810:

„Король Людовик снова готовился к походу в Испанию...“ (V. Hl; SS. II, 614).

811 — 812:

Продолжительная война; взятие Тортосы, осада Уэски.

815:

„Мир, который был заключен с Абуладом, сарацинским царьком, и сохранялся в течение одного трехлетия, был нарушен, как ненужный, и против него опять была начата война“ (Einh. Ann. SS. I, 202).

824:

„В тот же год графы Ебл и Асенарий получили приказание перейти через высоты Пиренейских гор“ (V. Hlud. SS. II, 628).

827:

„Император, послав против него (Абумарвана) своего сына Пиппина с неисчислимым войском франков, предписал ему (т. е. сыну) охранять границы своего государства“ (Einh. Ann. SS. I, 216).

Это составляет 10 походов против сарацин за 30 слишком лет. Если прибавить к этому несколько столкновений с басками (например, в 816, в 819 г. и др.) то жителям Аквитании война в Пиренеях должна была представляться в виде перманентного

состояния. Страна жила приготовлениями к испанским походам, последствиями их и, стало быть, рассказами и разговорами о перипетиях сражений. Что вокруг этих событий сейчас же возникали сказания и легенды, подтверждает повествование Ейнхардовых Анналов, повторенное Астрономом, о том, что перед поражением 827 г. будто бы неоднократно показывались на небе ужасные войска ночных привидений, обогранных человеческой кровью.¹ Очень понятно, что главными врагами в таких случаях выставлялись сарацины, а не баски, и что сражение выигрывало в грандиозности, если в нем фигурировали арабы. Особенно же ненависть к арабам должна была усилиться, когда в середине века начался ряд походов против них в Италию (847, 848, 850, 868, 869 гг.). Поэтому вполне можно себе представить, что сарацины попали в рассказ о Ронсевальском сражении в IX-м веке и, может быть, даже к тому времени уже совсем вытеснили басков.

Против исторической обстановки XI-го века, т. е. против теорин Бедье-Буассоннада, в особенности говорит то, что ни "П. о Роланде", ни др. памятники ни разу не упоминают об испанцах (аррогонцах, наварцах, каталонцах,) которые являлись главными участниками походов XI-го - XII-го века, и у которых французские крестоносцы состояли на службе.

Вообще; нетрудно показать, что описание Ронсевальского сражения могло сложиться под впечатле-

¹ V. Hlud. (SS. II, 63). „Praecesserunt sane hanc cladem terribiles illae nocturno sub tempore acies, humano rutilantes sanguine ignisque pallore flagrantés“. (Einh. Ann. SS.I, 216.)

нием различных эпизодов из сарацинских войн IX-го века.

Действие "Песни о Роланде" начинается с посольства Марсилия.

За примерами сарацинских посольств во времена Карла Великого мы отсылаем не только к Gautier (Ерор. fr. III, 450,4), но и к Bédier (Leg. ép. III, 403,2.)

Затем сарацины нападают на арьергард; упоминаются вьючные лошади и мулы.¹ Hincmari Rem. Annales a. 869 (SS. I, 485): „Когда Людовик возвращался после осады сарацин из пределов Беневента, означенные сарацины, выйдя из Баиры и преследуя войско Людовика, отбили более 2 000 лошадей этого войска“.

Роланд и Карл сражаются с переменным счастьем: сначала сарацины разбиты, потом перебит арьергард, затем неверные опять разбиты Карлом. Vita Hlud. (SS. II, 612) a. 801: „Услышав об этом (о походе Вильгельма) они (сарацины) повернули в Астурию и врасплох нанесли им поражение, но понесли вдвое худшее“.

Роланд и 12 перов с 20 000 войска побеждают 400 000 арабов и обращают их в бегство. Vita Hlud. (SS. II, 615) a. 810: „Наши, однако, поддержанные божьей помощью, хотя и с неравными силами

¹ Ch. d. R. 754:

„La reregarde avez sur mei jugiet.
N'i perdrat Carles li reis ki France tient.
Men escientre palefreid ne destrer.
Ne mul ne mule que deiet chevalcher.
Ne i perdrat ne runcier ne sumer“.

и в гораздо меньшем (чем сарацины) количестве, заставили врагов побежать“.

Во время сражения Турпин убивает царя Корсаблиса (l. XCV), Карл—царя Балиганта (l. CCL, XVIII). Ann. Alemannici (SS. I, 47) а. 793: „Вильгельм сразился с сарацинами у Нарбоны и потерял там много народа, и убил среди них одного царя (unum regem) и множество сарацин“.

Балигант приходит на помощь Сарагоссе. Einh. Ann. (SS. I, 216) а. 827: „Пришло донесение, что на помощь Айцону сарацинским царем Абдеррахманом послано войско в Сарагоссу“.

По возвращении из похода в Аахене происходит суд над виновником поражения, Ганелоном. V. Hlud. (SS. II, 631) а. 828: „В феврале месяце следующей (после поражения 827 г.) зимы было созвано народное собрание в Аахене, во время которого он (император) особенно интересовался, как другими делами, так и (военными) действиями в Испанской марке, проведенными перед тем (в 827 г.) трусливо и постыдно. Когда это было разъяснено и точнейшим образом расследовано, то были признаны виновниками этого преступления те, которые были поставлены императором в качестве вождей. Император заставил их искупить вину такого малодушия только лишением почестей“.

Для решения вопроса о виновности Ганелона устраивается поединок. Равным образом, Ermoldus Nigellus (In hon. Hludow. III, 543—620) описывает судебный поединок аквитанских графов Беры и Санилы, имевший место в 820 г. Готы сражаются по своему обычаю; но Ермолд замечает, что судебный

поединок „всегда был и продолжает быть древним обычаем франков и пока он будет существовать, он пребудет честью и украшением племени“, (ст. 543 — 4.)

Нет ничего удивительного в том, что первые сказчики или певцы, желая развить повествование о Ронсевальском сражении, дополняли его бытовыми эпизодами, взятыми из окружающей их боевой обстановки особенно, если они сами были воинами. Такие эпизоды поражали слушателей своей правдоподобностью, своим соответствием характеру войны *in finibus Sarracenorum*. В атмосфере этих постоянных походов за Пиренеи, со взятием городов и непрочными договорами, с периодическими кровавыми неудачами, с быстрой сменой обороны и нападения, с постоянно угрожаемым тылом, благодаря предательству басков¹ — в этой атмосфере была зачата трагическая картина Ронсевальской битвы; тогда она была близка, понятна, интересна. И Роланд, безвременно погибший молодой королевич, был близок тем, кто собирался для защиты границ вокруг такого же молодого короля Людовика или Пиппина,² тем, кого ежедневно могла постигнуть Роландова участь.

Подведем теперь итоги приложимости нашей гипотезы. Выяснилось, что она может служить для объяснения:

¹ В 812, 816, 819, 824 гг.

² В этой среде, может быть, и были перенесены некоторые черты (сл. мотивы 7, 8, 10) с Людовика на Роланда.

а) источника развития сказания о Роланде (т. е. условий централизации личности героя и Ронсевальского сражения);

б) бытовых условий развития сказания;

в) хода и направления развития;

г) характера и состояния памятников Роландова цикла.

Таким образом, пока не найдено абсолютно достоверного решения указанных вопросов, наше объяснение может быть принято как не встречающее возражений ни со стороны эпического материала, ни со стороны истории.

«HRUODLANDUS, COMES LIMITIS
BRITTANNICI»

Uchersicht

„HRUODLANDUS, COMES LIMITIS BRITTANNICI“

Zweck der Arbeit

Der Verfasser stellt sich die Aufgabe eine Hypothese aufzubauen, die erklären könnte, wie der historisch fast unbekannte (bei Einhart an dritter Stelle genannte) Markgraf Hruodland zum Zentralhelden des französischen Epos wurde.

Diese Hypothese muss a) sowol historisch als literarhistorisch glaubwürdig, d. h. einwandfrei, und b) zur Erklärung der Entstehung und Entwicklung der Rolandsage anwendbar sein.

Die Hypothese lautet: Roland war in wirklichkeit der Sohn Karls des Grossen und seiner Schwester Gisla.

Ergebnisse

- 1) Aus der Teilnahme an der Roncevalschlacht allein ist der Ruhm Rolands nicht abzuleiten.
- 2) Von allen übrigen Episoden der Rolandsage kann nur die Erzählung von der Geburt und Kindheit des Helden einen historischen Kern enthalten.

3) Von allen Varianten der „Geburt Rolands“ kann nur die Variante Karl — Gisla — Roland Anspruch auf historische Wahrheit erheben, denn nur diese drei Personen sind Zeitgenossen.

4) Die Variante Milo — Berta (Schwester Karls d. Gr.) — Roland ist später hinzugedichtet, und zwar aus zwei Sagen zusammengefügt: a) die späte Sage vom Angilbert und Berta (Tochter K. d. Gr.) (vgl. MGH. SS. XV, 180) und b) eine Milo-Sage, die auch Marie de France in ihrem gleichnamigen Lai benutzte.

Um den Kern der Sage von der Schwester Karls herauszugewinnen, muss man vorerst alle Elemente der Berta-Milo-Sage, sowie die späteren Neubildungen der einzelnen Varianten der „Enfances“ (Karlsmagnússaga, Girard d'Amiens, Berta e Milone, Orlandino, Reali di Fancia), abtrennen.

5) Nachdem dies geschehen, bleibt folgende Erzählung übrig: „Roland ist der Sohn Karls und seiner Schwester Gisla. Er wird fern vom Hofe aufgezogen. Mit 7. Jahren erscheint er bei Hofe, wird von Karl liebevoll empfangen und als Graf oder Herzog nach der Haute-Bretagne (Vannes oder le Mans?) entsandt. Kurz darauf kehrt er wieder zum Kaiser zurück, um ihn auf einen Kriegszug zu begleiten. Er tritt in sonderbarer und reicher Tracht auf, eine Schar Jünglinge oder Knaben bildet sein Gefolge und seinen Hofstaat. Bei dieser Angelegenheit wird er zum Ritter geschlagen. Vater und Sohn treten den Feldzug an“ (wahr-scheinlich, Rolands letzter zug nach Spanien).

6) Dazu gesellt sich als zweifellos ursprüngliches Motiv „der Tod Rolands in Ronceval“. Das tragische Ende eines jungen Königssohnes (vielleicht des Erst-

lings Karls des Gr.), dessen Geburt ein Nebel von Geheimnis und Sünde umhüllte, ist an sich schon ein lebensfähiger Sagenkern. Hiermit ist die Hypothese vom litterarhistorischen Standpunkt glaubwürdig.

7) Die obenerwähnte (s. p. 5) Erzählung ist aber auch historisch durchaus einwandfrei.

a) Alle Elemente des Sagenkernes passen in den Rahmen der Epoche, in welcher Markgraf Hruodland lebte.

b) Viele Züge des Kernes sind geschichtlich bezeugt:

(1) Weisheit und Schönheit der Gisla;

(2) Ernennung Rolands zum Oberhaupt der Bretagne;

(3) zwei (oder wenigstens zwei) Zusammenkünfte mit Karl;

(4) Roland ist von obersten Hofbeamten umringt (Karlsmagnüssaga, Einhart);

(5) äusserte Jugend seiner Gefolgsleute (Epitaphium Aggiardi).

c) Die Beziehungen zwischen Karl und seiner Schwester, wie sie uns aus Dokumenten des VIII/IX-ten Jhs. entgegentreten, widersprechen nicht der Annahme, dass zwischen ihnen ein Liebesverhältnis bestehen konnte; es lassen sich sogar aus diesen Dokumenten verholene Winke herauslesen, die auf ein solches Verhältnis hinzuweisen scheinen.

b) Die Ursprünglichkeit vieler Elemente des Sagenkernes wird durch genaue Analogien aus der Zeit Karls des Grossen bekräftigt:

(1) Königskindern wird in ihrer zartesten Jugend die oberste Macht über Marken und Grenzländer anvertraut;

- (2) ganz junge Königskinder im alter von 12 (Karl) oder 14 (Ludwig) Jahren nehmen an Feldzügen Teil und zwar an der Spitze von Heeresabteilungen;
- (3) Reiten können, als Mündigkeitskriterium;
- (4) Ritterschlag (Umgürten mit dem Schwerte) im alter von 7 Jahren (Ludwig);
- (5) Weg nach der Bretagne über Orleans;
- (6) das Knabengefolge der Königssöhne.

8) Im ganzen, entwirft die Biographie Rolands (wie sie in dem von uns ermittelten Sagenkerne gegeben ist) ein Lebensbild, das für einen Sohn Karls der Grossen nicht nur möglich, sondern geradezu vorschriftmässig erscheint: ebenso wurden ja Karl, Pippin und Ludwig aufgezogen.

- a) Nehmen wir an, Roland sei wirklich Karls Schwestersohn gewesen (wie alle Varianten der Karlssage, ohne Ausnahme, behaupten,)¹ so konnte er nur ein unehelicher Sohn Gislas sein.
- b) War er aber vor Gisla erzeugt, so konnte er an seinem Todestage (778) das Alter von 12 Jahren nicht überschritten haben.
- c) Ist er so jung gestorben, so konnte er nur dann Markgraf der Bretagne werden, wenn er Karls Sohn war.
- d) Ist er Karls Sohn gewesen, so ist es selbstverständlich, dass er die Zentralfigur der Roncesvalschlacht bildete, dass sein Tod aufsehen erweckte.

¹ Die Futrersche Variante (XVI jh.) scheidet na trürllich aus.

e) Durch ihn also wurde die Roncevalschlacht berühmt, und nicht umgekehrt, wie bisher angenommen wurde.

So ist denn unsere Hypothese zur Erklärung des Entstehens der Sage durchaus anwendbar.

Auch die Entwicklung der Rolandssage fließt aus der Hypothese ziemlich ungehemmt.

9) Vorerst erklärt sich von selbst das Schweigen der zeitgenössischen Dokumente. Vom Markgrafen Hruotland besitzen wir keine einzige Urkunde; kein einziger Regierungsakt ist überliefert, und zwar darum, weil er als Kind noch nichts vollbracht hatte: die einzigen merkwürdigen Punkte seines Lebens waren seine Geburt und sein Tod.

Ueber den ersten schweigen die Annalen der Höflinge, wie auch so mancher höfische Skandal dieser Zeit uns verborgen geblieben ist. Wer konnte es wagen, solch eine Beschuldigung gegen den grossen Kaiser expressis verbis niederzuschreiben?

10) Es fehlte jedoch zur Zeit Karls d. Gr. nicht an gesellschaftlichen Schichten, in denen sich die Erzählung mündlich verbreiten konnte; diese Schichten können wir in zwei Gruppen teilen: a) der Hof und die mit ihm verbundenen Klöster, b) das Heer und die Spielleute. Dementsprechend entfaltete sich die Sage in zweierlei Richtungen.

11) Die erste Gruppe legte Gewicht auf das skandalöse und verbreitete von Ohr zu Ohr die Geschichte von Rolands Geburt, die in der ersten Zeit nicht aufgezeichnet werden durfte und vielleicht nur als dumpfe Anspielung auf ein Sünde Karls zum Vorschein kommt (Visio Wettini?). Später bemüht man

sich, wenn nicht Karl, so doch Roland, von der Schuld reinzuwaschen: gelegentlich wird Roland (Turpini Historia) oder Karls Schwester (Mousques) verdoppelt.

12) Die kriegerische Gruppe betont das tragische des Erzählung und verarbeitet die Geschichte von Rolands Tod in der Schlacht. Wie es, in diesen Kreisen üblich ist, wird Roland gleich zum Helden gestempelt und nun beginnt die heroische Entwicklung der Sage. Da diese Gruppe bis zum XII Jh. so gut wie keinen Zugang zum Schrifttum hatte, so gelangte die Sage bis zu diesem Zeitpunkte nicht zur Aufzeichnung.

Was die Geburtssage betrifft so passte sie keineswegs zur heroischen Auffassung. Darum wird sie entweder mit Schweigen übergangen, oder mit Widerwillen und Zweifel zitiert, oder endlich als grobe Lüge hingestellt (vgl. kap. I § 2); nur im fernen Skandinavien (Karlsmagnússaga) vermochte man sich der verletzenden Tatsache objektiv gegenüberzustellen.¹

Am liebsten suchte man nach Ersatz, und fand solchen mitunter in der Sage von Angilbert und Berta, der Tochter Karls (die von nun an als dessen Schwester auftritt).²

13) Wie nun Roland zum Helden geworden war, so wurden verschiedene kriegerische Episoden (Ferrakut, Otinel u. s. w.) an seinen Namen geknüpft und naturgemäss zwischen Geburt und Tod eingeschoben.

¹ Das Fortleben dieses allgemein verhassten Motivs ist überhaupt nur dann verständlich, wenn man annimmt, dass es eben die Wahrheit war.

² Diese Umwandlung Bertas ist nur auf Grund unserer Hypothese begreiflich und erklärbar.

14) Wollen wir nun das Milieu erraten, in welchem die heroische Sage ihre Entwicklung begann, so ist vorerst an die aquitanischen Vasallen Ludwigs des Frommen zu denken.

a) Hier waltete eine ununterbrochene Tradition der spanischen Kriege (von 796 bis 827 wenigstens 10 geschichtlich überlieferte Feldzüge); hier bildete sich eine christlich-heroische sarrazenenfeindliche Atmosphäre; hier war die Roncevalsage aktuell.

b) Hier konnten etliche Züge von Ludwig auf Roland übertragen worden sein.

c) Gerade in der Umgebung Ludwigs wurde schon im IX-ten Jahrhundert die Idee des Kreuzzuges an den Feldzug von 778 geknüpft (Astronomus).

15) Einhart, der diesem Milieu fremd war und zur ersten Gruppe gehörte (s. o. 10), hat die Begebenheit wesentlich anders dargestellt. Die Gestalt Rolands vertuscht er, vielleicht um jede Anspielung auf das alte Scandalum zu vermeiden, vielleicht aber auch ohne besondere hofpolitische Absicht, denn er zeigt auch anderwärts eine merkwürdige Unkenntnis von Karls Familienangelegenheiten aus der Zeit vor seiner (Einhalts) Ankunft in Aachen (a. 794). Eine Theorie, die eine Heldensage von Roland aus Einhalts Angabe im XI-ten Jh. entstehen lassen will, ist nicht Aufrecht zu halten.

16) So erklärt unsere Hypothese zur Genüge:

a) den Ursprung der Sage,

b) das geschichtliche Milieu, in der sie sich entwickelte,

c) den Gang der Entwicklung,

d) die Beschaffenheit der Quellen.

РЕДАКЦИОННО - ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕ-
СТВЕННЫХ НАУК ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС
НА ПЕРЕВОД „ART POÉTIQUE“ БУАЛО

Правила конкурса:

1. В конкурсе имеют право участвовать как все члены ГАХН, так и лица в состав Академии не входящие.

2. Лица, участвующие в конкурсе, представляют жюри полный перевод „Art poétique“ Буало, сделанный в размерах подлинника и по возможности сохраняющий все особенности классического александрийского стиха, точно выдерживая при этом общее количество стихов оригинала.

3. Перевод, отражая с возможной точностью подлинник, должен представлять собою не подстрочную передачу, а носить характер художественного воссоздания оригинала.

4. Рукопись представляется без подписи переводчика под девизом, при запечатанном конверте с тем же девизом, в котором имеется сообщение об имени и адресе автора соответственной рукописи.

5. В состав жюри входят: Президент Академии, члены Редакционно-Издательского Комитета, председатель Литературной секции, председатели ее п/секций, Всеобщей Литературы, Поэтики и Комиссии художественного перевода. (П. С. Коган, Г. Г. Шпет, А. А. Сидоров, П. Н. Сакулин, И. И. Гливенко, М. А. Петровский, Б. И. Ярхо и Л. П. Гроссман).

6. Рукописи должны быть представлены в Редакционно-Издательский Комитет Академии (ул. Кропоткина, 32) для жюри конкурса по переводу „Art poétique“ Буало не позже 1-го октября 1926 года. Жюри постановляет свое суждение не позже 1-го ноября 1926 года.

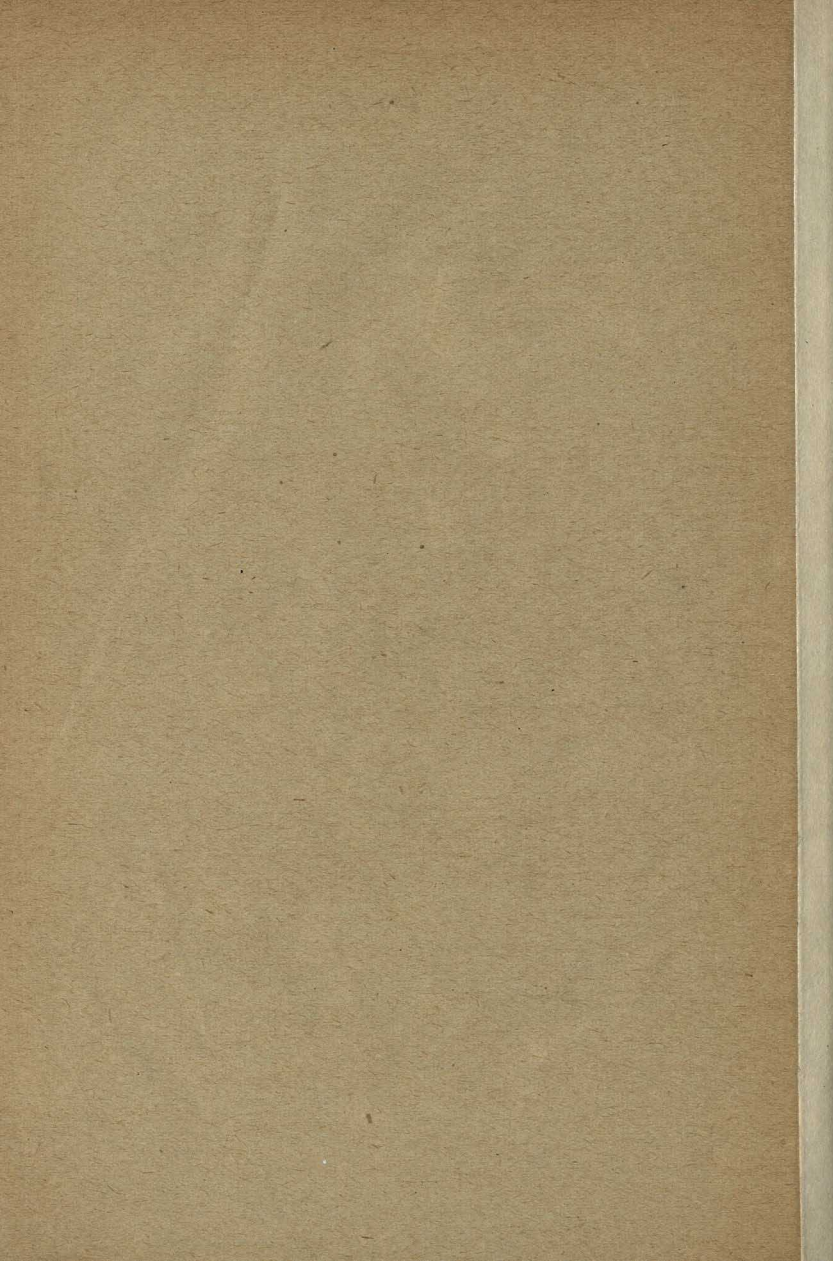
7. За лучший перевод назначается премия в размере 200 руб. Следующие по качеству переводы отмечаются похвальными отзывами. Конверты при остальных рукописях не вскрываются.

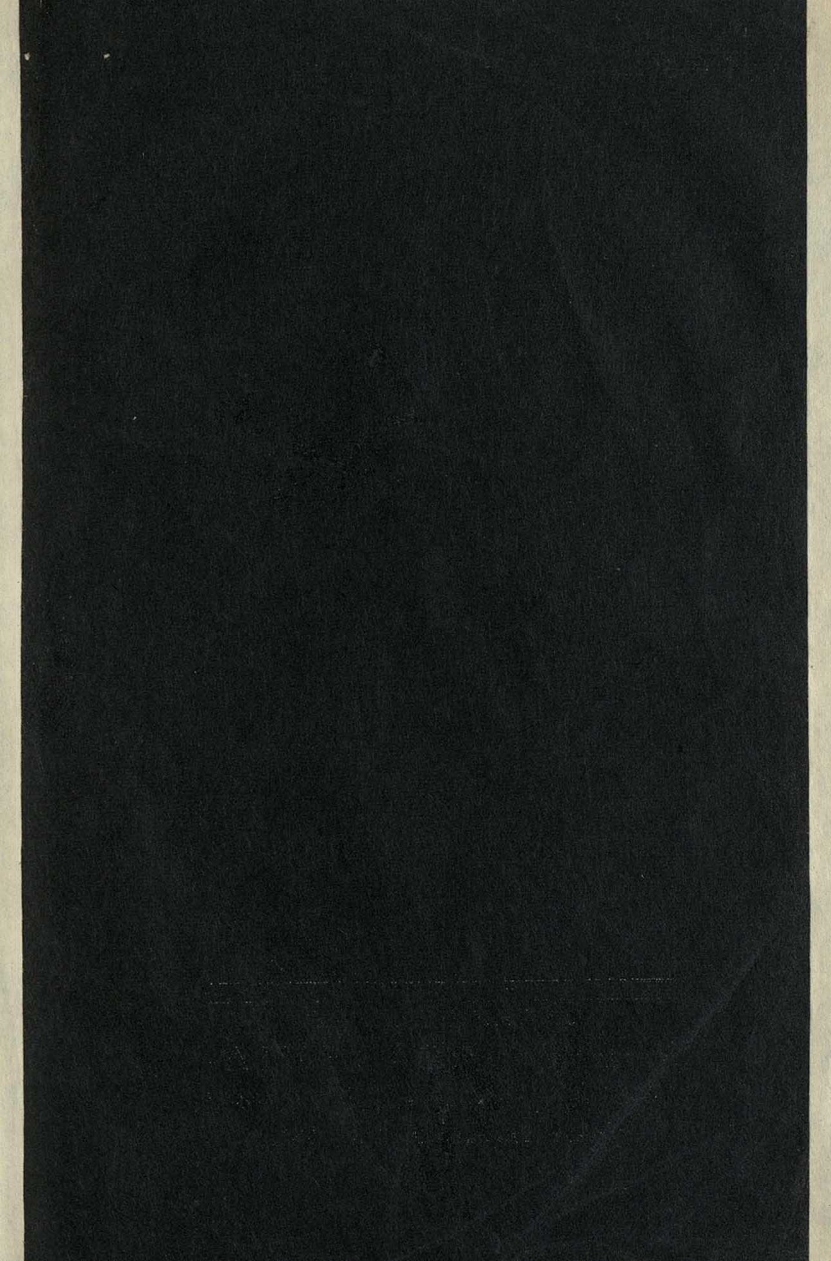
8. Лучший перевод будет издан Редакционно-Издательским Комитетом ГАХН в серии „Классики искусствоведения“ с оплатой стихотворного текста на общем основании.

9. Условия конкурса рассылаются в литературные общества и публикуются в печати.

*Редакционно-Издательский
Комитет ГАХН.*

6 февраля 1926 г.

2018814598

